

УДК (015:902:908)(47)КРЫМ; БАШКИРОВ

**АЛЕКСЕЙ БАШКИРОВ В КРЫМОВЕДЧЕСКИХ
КОММУНИКАЦИЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе обширного корпуса архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, в частности эпистолярия, восстановлены межличностные и научные контакты в активно развивавшемся крымоведении 20-х годов XX столетия. Показана роль А. С. Башкирова в организации и проведении грандиозного экспедиционного изучения полуострова, которое проходило с перерывами в 1924–1929 годах.

Ключевые слова: А. С. Башкиров, экспедиции, крымоведение, межличностные коммуникации.

Имя А. С. Башкирова (1885–1963) только в последние десятилетия начало активно восстанавливаться в канве признанных подвижников регионоведения. Этот процесс начат в научной школе истории крымоведения на фоне возрождения интереса к памятникам мусульманской культуры полуострова и восстановления истории памятниковедения в Крыму в целом. Об основных моментах биографии ученого около полувека судили лишь по крайне лаконичному некрологу, подготовленному ученицей А. С. Башкирова, Н. В. Пятышевой, и размещенному в «Советской археологии». В этом документе совершенно не отражен вклад историка в развитие крымского памятниковедения, не упомянут и факт репрессии ученого [1].

Прорывом в раскрытии роли ученого в экспедиционном изучении Крыма в 20-е годы XX века стали наработки Н. И. Винокурова [2], а также обзорная статья И. В. Белозеровой и С. В. Кузьминых, подготовленная для издания Академии наук Республики Татарстан «Мирас – Наследие: Татарстан – Крым» [3]. Полная библиография опубликованных и рукописных крымоведческих трудов А. С. Башкирова представлена в общем библиографическом своде историко-этнографического научного наследия эпохи [4]. В работах по истории крымоведения восстановлены научные связи московского археолога с крымскими исследователями и обозначены основные аспекты их совместной работы [5].

Вместе с тем основной корпус источников, связанных с биографией ученого, его научными исследованиями, до последнего времени оставался неизвестным историкам науки. Интерес в этой связи представляют три собственноручно заполненные анкеты А. С. Башкирова, сохранившиеся в фонде «Наука и ее работники в пределах СССР (1924–1930)» (ф. 155) Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Благодаря этой информации можно проследить должностные перемещения ученого до 1930 года, уточнить отдельные моменты его биографии [6].

Личный архивный фонд А. С. Башкирова, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 598), лишь недавно стал

доступен крымоведам. Он поступил в архив в 2013 году и поэтому пока еще малоизвестен [7; 8]. Особенное значение в качестве первоисточника по охране культурного наследия полуострова представляют находящиеся в этом документальном собрании многочисленные фотографии археологических объектов и не сохранившихся до наших дней памятников. Для археологов интерес также представляют отложившиеся там рукописные полевые дневники различных исследований на полуострове как самого А. С. Башкирова, так и начинающих в ту пору свою научную деятельность, а со временем маститых ученых – В. Д. Блаватского, Е. В. Веймарна, В. Ф. Гайдукевича, К. Э. Гриневича. Сохранилась и обширная крымоведческая библиография (картотеки и списки), составленная А. С. Башкировым. Выявлены и рукописи (автографы и машинопись) опубликованных и неопубликованных работ ученого. Материалы фонда касаются всех регионов, где работал историк.

Алексей Степанович Башкиров родился 19 июля 1885 года в селе Кукмор Мамадышского уезда Казанской губернии в семье учителя. На рубеже 80–90-х годов XIX века семья переехала в Санкт-Петербург. В 1913 году юноша окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1908–1913) и одновременно Археологический институт (1910–1913) [9]. Наравне с серьезной филологической подготовкой по древним языкам молодой историк углубленно занимался в семинариях Д. В. Айналова по истории византийского и древнерусского искусства, М. А. Полиевктова по российской истории, А. А. Спицина по археологии, русской исторической географии и Б. В. Фармаковского по южнорусским древностям [10]. Студенческие годы А. С. Башкирова не были лишь площадкой для накопления теоретических познаний. Он практиковался на раскопках в Ольвии у Б. В. Фармаковского (1911–1912) и в Херсонесе – у Р. Х. Лепера [11]. В Крыму студент одновременно участвовал в исследованиях средневековых «пещерных городов» Мангуша и Тепе-Кермена (1910, 1913–1914) также под руководством Р. Х. Лепера [12].

Работая на полуострове, А. С. Башкиров начал сотрудничать с местными краеведами из Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, стал членом этой организации. В сферу деятельности названного общественного научного содружества входили охрана археологических объектов, популяризация истории и отдельных древностей полуострова [13]. В 1912 году А. С. Башкиров вошел в специально созданный комитет общества по подготовке путеводителя по Крыму. Бум в издании популярной литературы для приезжих в Крым наблюдался с середины XIX века. Однако лишь единичные издания соответствовали элементарным научным критериям, особенно в исторической части. Энтузиасты-краеведы из Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы К. Ю. Бумбер, Л. С. Вагин, Н. Н. Клепинин, С. А. Мокржецкий, В. В. Соколов предложили создать путеводитель нового класса, который соответствовал бы научным стандартам, содержал значительный иллюстративный материал и создавался командой профессионалов в различных отраслях крымоведения [14]. А. С. Башкирову поручили работу над «Историко-археологическим очерком Крыма». Студент столичного вуза впервые представил в издании подобного толка научную характеристику этих периодов. На

основе ежегодных отчетов Археологической комиссии, которые были в его распоряжении, сделана попытка создать один из первых очерков по истории археологического изучения полуострова. В частности, упомянуто значение раскопок А. С. Уварова, Н. И. Веселовского, Ю. А. Кулаковского. Очерк дополняли многочисленные фотографии и рисунки разрезов курганов [15]. Рукописные материалы для этого очерка сохранились в личном архивном фонде А. С. Башкирова [16].

А. С. Башкиров в греческом национальном костюме. 1915 год

Неудивительно в связи с интересом Алексея Степановича к крымоведческим разработкам появление в 1915 году на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» рецензии на второе издание монографии профессора Университета Святого Владимира в Киеве Юлиана Андреевича Кулаковского «Прошлое Тавриды», подготовленной А. С. Башкировым. По мнению рецензента, очерк Ю. А. Кулаковского «превосходно выполнил свое назначение». Рецензент подробно разобрал все главы книги, чем подтвердил собственную высокую компетентность в знании истории региона. Спустя год вариант этой рецензии был опубликован и в

«Записках Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы» [17]. Статья размещена без подписи. Ее атрибуция возможна благодаря сравнению текста с вышедшим за год до этого материалом.

После окончания университета, недолго проработав в Польской гимназии в Санкт-Петербурге, по рекомендации М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского А. С. Башкиров был определен в Русский археологический институт в Константинополе. Сказалась тут и дружба с Р. Х. Лепером, который также состоял сотрудником этого научного учреждения. Институт сразу направил молодого специалиста на трехлетнюю стажировку (1914–1916) в Грецию, Италию, Францию, Англию и скандинавские страны с целью изучения античного и средневекового искусства. Несмотря на то, что в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны Русский археологический институт в Константинополе свернул работу, А. С. Башкиров имел возможность выполнить всю программу своей научной командировки [18].

Сохранившиеся письма А. С. Башкирова к директору Русского археологического института в Константинополе, крупному византисту Федору Ивановичу Успенскому (1845–1928) за 1914–1916 годы – время стажировки – из Афин, Рима и Парижа свидетельствуют о теплых личных отношениях двух ученых, принадлежавших к разным поколениям. 1 октября 1914 года А. С. Башкиров рапортовал руководителю о поездке в Париж и просил дать более развернутые инструкции о том, на что ему обратить внимание во время знакомства с коллекциями музеев. Он заметил: «Одно меня смущает и наводит на грусть: далеко буду от России с ее Великой борьбой за счастье народов, от той жизни могучей, которую она переживает в настоящие дни» [19]. 7 марта 1915 года из Афин А. С. Башкиров сообщал, что «приканчивает изучение памятников, находящихся здесь повсюду в окрестностях». К письму приложен план его дальнейших поездок по всей Греции [20]. 13 мая из Афин он сообщал, что его шестинедельная поездка по Элладе закончена. Письмо содержит интересные мысли Алексея Степановича о планах на будущее: «Через шесть-семь месяцев моя командировка окончится, и я останусь в неопределенном для меня положении, так как совершенно не знаю, к чему мне пристать и где буду служить. Хочется продолжать мое прямое дело, к которому готовлюсь, но не ясно и учреждение, которое бы мне содействовало в моих занятиях, которому бы я был полезен и которое бы мне давало бы средства для существования. Пока у меня одна и далеко неопределенная мысль: приехать в Петроград или Одессу и просить Вас и Вашего согласия для дальнейших занятий. Я бы хотел просить Вас походатайствовать перед Министерством о продлении моей командировки еще на год, но положение командированного весьма неопределимо, да и годы идут за годами. Не хочется ехать в Петроград снова браться за гимназические уроки. <...> После командировки мне нужна спокойная работа, нужны книги, библиотеки, но для этого нужны средства» [21]. 28 сентября 1915 года А. С. Башкиров сообщал Ф. И. Успенскому об итогах поездки по музеям Италии [22], а 7 июня 1916 года – по музеям Парижа [23]. Он приписал: «видимо, придется ехать в Россию для отбывания воинской повинности» [24]. И еще из личного: «Не скрою я, что и у меня была мечта оставаться под эгидой Константинопольского института и там работать на пользу

нашей науки. <...> За мной такие работы, как Херсонес!» [25]. К письму А. С. Башкиров присоединил копию послания к товарищу министра народного просвещения от 7 июня 1916 года из Парижа по поводу просьбы об отсрочке от отбывания воинской повинности [26].

В Петроград А. С. Башкиров вернулся в начале 1917 года. С 1 января он состоял магистрантом Петроградского университета. Однако в 1918 году молодой ученый уехал из беспокойного и голодного Петрограда в Поволжье (Саратов). Там он начал преподавать на историко-филологическом факультете Саратовского университета по кафедре теории и истории искусств. 1919-й оказался для Алексея Степановича довольно суетным. Он все же стремился в Крым, где с мая вновь ненадолго была установлена советская власть. В это беспокойное время ученый предпринял переезд из Саратова в Крым. Сохранился интересный документ – пустой бланк члена императорской Археологической комиссии, заведующего раскопками в Херсонесе, подписанный «за заведующего раскопками в Херсонесе А. Башкиров. Херсонес. 21. VIII. 19». Место оставлено, видимо, для внесения какого-то ходатайства [27].

Не имея возможности остаться в Крыму, где за год трижды менялись власть, денежные единицы и документы, историк вернулся в Саратов. Однако скоро перебрался в Самару, где получил возможность преподавать в университете, а с 1922 года даже стал деканом педагогического факультета. Молодой и энергичный специалист получил должность директора Самарского краеведческого музея (заведующий Самарским отделом Главнауки с 2 февраля 1921 года), стал одним из учредителей и председателем Общества археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей при Самарском университете [28]. Под руководством А. С. Башкирова на историко-филологическом факультете Самарского университета оформилось научное и учебно-вспомогательное подразделение – Семинарий археологии и искусствознания с библиотекой и учебно-показательным музеем. А. С. Башкиров способствовал передаче в Самару (на базу семинария) уникальных книжных коллекций, книг дублетного фонда из Петрограда (Библиотека Академии наук, Российская академия истории материальной культуры, Государственный Эрмитаж). Алексей Степанович вел в семинарии занятия по археологии и искусствознанию. Так, осенью 1919 года он читал общий курс по искусству средневековья и эпохи Ренессанса на Западе, а с весны 1920-го – курс «Искусство на Западе в XV веке» [29].

Осенью 1920 года в Самару с инспекцией приехал руководитель археологического подотдела Музейного отдела Наркомата просвещения РСФСР, крупный организатор науки, археолог В. А. Городцов (1860–1945). Встреча А. С. Башкирова и В. А. Городцова кардинально отразилась на судьбе молодого историка. 15 октября 1922 года он покинул Самару и переехал в Москву. В. А. Городцов сразу ввел его в круг столичной научной элиты. А. С. Башкирова избрали на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ по кафедре теории и истории искусств и археологии. По протекции В. А. Городцова, который работал также профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ, Алексей Степанович стал преподавать и там: вел три курса – по истории археологических открытий, археологии средневековья и археологии болгарской культуры. С 5 апреля

1923 года он был зачислен «эпизодическим сотрудником» Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР [30]. Сохранился авторский курс лекций для курса «Археология Крыма», который он читал в 1 МГУ в 1925–1926 учебном году [31]. Дружеские отношения А. С. Башкирова и В. А. Городцова поддерживались многие годы, о чем свидетельствуют сохранившаяся переписка [32] и дневниковые записи В. А. Городцова [33].

В 1923 году в столице оформился новый центр археологических исследований – Институт археологии и искусствознания при факультете общественных наук 1 МГУ, который уже со следующего года вышел из структуры университета и работал в системе Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Коллектив нового научного учреждения образовали профессора 1 МГУ со своими научными школами. А. С. Башкиров со времени создания Института являлся, согласно штатному расписанию, действительным членом (научным сотрудником), членом коллегии секции археологии, где возглавил кафедру греко-римской истории [34].

А. С. Башкиров в Старом Крыму. 1926 год

Оказавшись в начале бурных 20-х в Москве и войдя благодаря В. А. Городцову в круг элиты столичной археологии, А. С. Башкиров стал сотрудничать в популярном в то время в столице Содружестве крымских культурных работников «Чатыр-Даг». В этом историко-культурном, научном сообществе было задумано и реализовано издание книжной серии «Библиотека Крыма». Тогда именно такие издания пользовались особенным спросом. Сказалось длительное отсутствие возможности интеллигенции бывать в полюбившемся Крыму, и книги каким-то образом тушили образовавшийся голод на крымоведческую информацию. Книжки печатались в карманном формате и имели целью популярное освещение истории полуострова. Вторым выпуском этого книжного ряда стал исторический эскиз А. С. Башкирова «Прошлое Крыма», подготовленный в форме пособия для экскурсантов [35]. В основе текста – досоветские наработки автора, опубликованные в «Путеводителе» Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы.

Уже в это время Башкиров известен в Москве как специалист по крымской истории. В 1923 году в Научно-исследовательском институте археологии и естествознания он выступил с докладом «Готы в Крыму» [36]. А. С. Башкиров – член наиболее авторитетного научного коллектива по изучению восточной культуры в СССР: с декабря 1922 года он член президиума Комиссии по изучению тюркской культуры при Наркомате просвещения РСФСР, а с 1927 года – ученый секретарь этой комиссии. В 1926 году из Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Востока возник Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, вошедший в систему Российской академии научно-исследовательских институтов общественных наук. С 1926 по 1932 годы А. С. Башкиров входил в коллегию этого учреждения [37]. 24 февраля 1924 года оформилась Московская секция Российской академии истории материальной культуры. А. С. Башкиров стал сотрудничать в ее Археологической комиссии. По рекомендации В. А. Городцова А. С. Башкиров 28 января 1925 года был включен в состав Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета. Это позволило молодому археологу включиться в составление плана археологических исследований СССР [38]. В эти годы ученый активно сотрудничал в научных обществах (Московское археологическое общество, Российской общество по изучению Крыма, Центральное бюро краеведения при РАН, Таврическое общество истории, археологии и этнографии). Начались его научные работы во Всесоюзной научной ассоциации востоковедения.

Особенно активной была деятельность ученого в Российском обществе по изучению Крыма. В 1924 году А. С. Башкиров был избран членом правления этой организации. Он постоянно был участником научных собраний Московского отделения, проходивших в Доме ученых (ул. Кропоткинская, 16). На страницах периодического органа общества – журнала «Крым» – он разместил несколько очерков. В первом же номере издания (1925 г.) опубликована статья ученого «Доисторический человек Горного Крыма» [39]. Материал для нее был накоплен еще в досоветский период. Другие очерки написаны по результатам экспедиционного изучения полуострова 1924 года и Солхатской экспедиции 1925–1926 годов. В них автор остановился на характеристике особенностей средневековой архитектуры

полуострова и внешних влияний на ее развитие [40; 41]. В выявленном нами рукописном отзыве академика В. В. Бартольда об этих публикациях отмечается, что, хотя «исчерпывающих сведений о всех архитектурных памятниках Солхата и художественной их истории автор не имел в виду дать» [42], ему удалось представить «общее понятие о работе экспедиции 1925/6 годов и системе производства раскопок, планов, обмеров» [43].

Имея опыт работы над научно-популярными изданиями по истории Крыма, Алексей Степанович вошел в состав коллектива по подготовке нового путеводителя по полуострову, идея которого витала в Российском обществе по изучению Крыма. Ее вынашивал известный медик, писатель Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887–1964). В издании приняли участие признанные крымоведы, в частности Б. Ф. Добрынин, А. К. Кончевский. А. С. Башкиров подготовил очерк «Крым в его прошлом» [44].

Тесное сотрудничество у А. С. Башкирова установилось и со Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. В Ассоциации образовался Отдел по изучению культур Юга России, Крыма и Кавказа. При организационной и финансовой поддержке этого научного объединения А. С. Башкиров с 1924 года проводил раскопки и археологические разведки в окрестностях Севастополя [45]. Сохранился составленный им «План исследований на Гераклеийском полуострове на лето 1924 года» [46]. Кроме Юго-Западного Крыматополя в 1924-м коллективом историков, археологов и реставраторов по инициативе правительства Крымской АССР были исследованы мечети в окрестностях Азис и Кырк-Азислер г. Бахчисарае (Асма-Кую, Бурма-Чешме, Ак-Каю), а также надгробные памятники Эски-Юрта [47], составлялись схемы археологических памятников, была предложена типология погребальных памятников. Часть раскопанных артефактов с прекрасно сохранившейся резьбой была перевезена в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (в исследованиях принимал участие директор этого учреждения У. А. Боданинский), что спасло эти ценные находки от уничтожения в дальнейшем.

Сохранились дневники А. С. Башкирова, где отражены раскопки могильника Кырк-Азислер, содержащие интересную информацию о данном объекте [48]. Во время работ, проведенных в 1924 году, изучались дома в приходах Асма-Куй, Сарлы-Чешме, Умерша-Куй, дюрбе Эски-Юрта, Ханский дворец в Бахчисарае. Одновременно с евпаторийскими исследовались кенасы в Чуфут-Кале. Был составлен чертеж «Мертвой долины» (В. Н. Чепелев), сделано большое количество рисунков надгробных памятников (Е. В. Веймарн) [49]. Главной задачей исследований 1924 года было определить масштабы, основные направления дальнейших разысканий и объемы финансирования работ для планируемой Солхатской экспедиции.

Наличие в личном архивном фонде А. С. Башкирова обширного количества документов о ходе раскопок 1924 года позволяет заключить, что именно он занимался организацией работ, разбором бумаг и отчетами. Сам факт вывоза им всех результатов исследований в Москву вызвал в КрымОХРИСе раздражение, о чем шла речь на заседании этой организации 5 мая 1925 года [50]. Об этом, начальном, этапе

крупномасштабного экспедиционного изучения культурного наследия полуострова сообщает статья, опубликованная в газете «Красный Крым» и подписанная инициалами «Б. Б.». Ее авторство принадлежит А. С. Башкирову и У. А. Боданинскому:

«На днях закончена первая работа по изучению материальной культуры крымских татар, которая начата правительством Крымской ССР на особо ассигнованные им средства.

Прошлое крымских татар почти не изучено, если не считать работ Смирнова, Вельяминова-Зернова, Крымского и некоторых других исследователей, которые едва-едва затронули прошлое крымских татар и то на основании архивных материалов, касаясь истории ханов, внешних сношений Крымского ханства, слабо отмечая социальные условия прошлого и совершенно не останавливаясь на материальной культуре татар в Крыму. Только за последние годы отдельные ученые на свой риск стали подходить и к последнему вопросу.

Крымское правительство в настоящем так поставило вопрос о систематическом изучении татарской культуры и ее прошлом. С этой целью оно через Наркомпрос (КрымОХРИС) вошло в тесный научно-исследовательский контакт с научной ассоциацией востоковедения при ЦИКе СССР в Москве и решительно уже приступило к означенной работе.

Научная ассоциация востоковедения специально откомандировала в Крым для разработки, совместно с КрымОХРИСом, исследовательского плана и для начала работ профессоров И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. Со стороны же КрымОХРИСа к исследовательской работе приступил уполномоченный КрымОХРИСа по Бахчисарайскому району, зав. Бахчисарайском дворцом-музеем У. А. Боданинский

С первого октября т.т. Башкиров и Боданинский начали работы по обследованию района Бахчисарая, территории древних могильника и городища Эски-Юрт и Азиз. Составлен детальный топографический план означенных мест с нанесением на него сохранившихся на поверхности и открытых в земле памятников древности, произведен ряд архитектурных съемок с первых сооружений и первые зондажные раскопки. Все работы осуществлялись с тщательным описанием отмеченного, детальнейшими зарисовками и фотографированием.

В результате археологических работ был изучен тип монументальных дюрбе (мавзолеев), тип купольных гробниц с их погребениями, погребения в грунтовых могилах и огромное количество разнотипных надгробных памятников, покрытых богатой орнаментацией, нередко снабженных надписями на татарском, арабском и персидском языках, часто с точным указанием года смерти умершего, а следовательно и времени изготовления того или иного памятника. Даты памятников падают на вторую половину XIV и начало XV веков.

Пока еще не пришло время говорить о деталях научного значения, открытых памятников. Предстоит кропотливая лабораторная их обработка. Нужны еще длительные дальнейшие изыскания на территории Эски-Юрта и Эски Крыма и других мест древних татарских поселений и некрополей, но и то, что сделано во время первой рекогносцировочной работы, начатой по инициативе Крымской

республики, является весьма ценным показателем того, что дальнейшие исследования могут дать богатый материал к пониманию прошлого крымских татар.

ГОСПЛАН СССР
научных и научно-технических работников
1931 года

613

Настоящий бланк содержит формулярные сведения о личности и ее трудовой деятельности в наук. научн. учреждениях или в учреждениях, выполняющих научн. работы и исследования.

Полное имя: *Башкиров Алексей Степанович*

Республика: *Татарстан* Область: *Татарстан* Район: *Казань*

Наименование учреждения: *Казанский университет*

1. Фамилия, имя, отчество: *Башкиров Алексей Степанович*

2. Пол: *Мужской*

3. Возраст: *45 лет*

4. Национальность: *русский*

5. Родной язык: *русский*

6. Социальное положение: *Работник*

7. Социальное положение: *Работник*

8. Социальное положение: *Работник*

9. Социальное положение: *Работник*

10. Социальное положение: *Работник*

11. Социальное положение: *Работник*

12. Социальное положение: *Работник*

13. Социальное положение: *Работник*

14. Социальное положение: *Работник*

15. Социальное положение: *Работник*

16. Социальное положение: *Работник*

17. Социальное положение: *Работник*

18. Социальное положение: *Работник*

19. Социальное положение: *Работник*

20. Социальное положение: *Работник*

21. Социальное положение: *Работник*

22. Социальное положение: *Работник*

23. Социальное положение: *Работник*

24. Социальное положение: *Работник*

25. Социальное положение: *Работник*

26. Социальное положение: *Работник*

27. Социальное положение: *Работник*

28. Социальное положение: *Работник*

29. Социальное положение: *Работник*

30. Социальное положение: *Работник*

31. Социальное положение: *Работник*

32. Социальное положение: *Работник*

33. Социальное положение: *Работник*

34. Социальное положение: *Работник*

35. Социальное положение: *Работник*

36. Социальное положение: *Работник*

37. Социальное положение: *Работник*

38. Социальное положение: *Работник*

39. Социальное положение: *Работник*

40. Социальное положение: *Работник*

41. Социальное положение: *Работник*

42. Социальное положение: *Работник*

43. Социальное положение: *Работник*

44. Социальное положение: *Работник*

45. Социальное положение: *Работник*

46. Социальное положение: *Работник*

47. Социальное положение: *Работник*

48. Социальное положение: *Работник*

49. Социальное положение: *Работник*

50. Социальное положение: *Работник*

51. Социальное положение: *Работник*

52. Социальное положение: *Работник*

53. Социальное положение: *Работник*

54. Социальное положение: *Работник*

55. Социальное положение: *Работник*

56. Социальное положение: *Работник*

57. Социальное положение: *Работник*

58. Социальное положение: *Работник*

59. Социальное положение: *Работник*

60. Социальное положение: *Работник*

61. Социальное положение: *Работник*

62. Социальное положение: *Работник*

63. Социальное положение: *Работник*

64. Социальное положение: *Работник*

65. Социальное положение: *Работник*

66. Социальное положение: *Работник*

67. Социальное положение: *Работник*

68. Социальное положение: *Работник*

69. Социальное положение: *Работник*

70. Социальное положение: *Работник*

71. Социальное положение: *Работник*

72. Социальное положение: *Работник*

73. Социальное положение: *Работник*

74. Социальное положение: *Работник*

75. Социальное положение: *Работник*

76. Социальное положение: *Работник*

77. Социальное положение: *Работник*

78. Социальное положение: *Работник*

79. Социальное положение: *Работник*

80. Социальное положение: *Работник*

81. Социальное положение: *Работник*

82. Социальное положение: *Работник*

83. Социальное положение: *Работник*

84. Социальное положение: *Работник*

85. Социальное положение: *Работник*

86. Социальное положение: *Работник*

87. Социальное положение: *Работник*

88. Социальное положение: *Работник*

89. Социальное положение: *Работник*

90. Социальное положение: *Работник*

91. Социальное положение: *Работник*

92. Социальное положение: *Работник*

93. Социальное положение: *Работник*

94. Социальное положение: *Работник*

95. Социальное положение: *Работник*

96. Социальное положение: *Работник*

97. Социальное положение: *Работник*

98. Социальное положение: *Работник*

99. Социальное положение: *Работник*

100. Социальное положение: *Работник*

Собственноручно заполненная анкета А. С. Башкирова

Пробудился сильный общественный интерес к начатой исследовательской работе среди местного населения. Потянулись к месту работ не только экскурсии учащихся, работников просвещения, но и представители профсоюзов, члены местного исполкома и просто граждане массово пребывали на месте открытий.

Были также и представители КрымЦИКн, СНК и других органов власти. 11-го октября посетил раскопки и с глубоким интересом осматривал их председатель Совнаркома СССР товарищ А. И. Рыков и зампред ВЦИКа товарищ Смидович. Объяснения представителям Советской власти и экскурсиям давали тт. Башкиров и Боданинский. Товарищ Рыков, с удовлетворением отметив начатую работу по изучению татарского прошлого в Крыму, благодарил руководителей за новые открытия.

Крымское правительство намерено в дальнейшем развить работу по изучению татарской культуры в возможно широком и глубоком масштабе и в 1925 году, кроме работ в Эски-Юрте, приступить к изысканиям в Эски-Крыме, на что уже обещаны специальные ассигнования» [51].

Атрибуция данной статьи стала возможной благодаря сохранившемуся «Краткому производственному отчету штатного преподавателя Археологического отделения факультета общественных наук Московского государственного университета А. С. Башкирова о научно-исследовательской работе летом 1924 года по командировке Главного управления научных учреждений Наркомпроса РСФСР» [52]. В отчете расписаны археологические исследования на Гераклеяском полуострове и в окрестностях Бахчисарая. В том числе обозначены совместно проведенные с У. А. Боданинским работы [53].

О раскопках в 1924 году работавший вместе с А. С. Башкировым заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст (1889–1956) сообщал 22 октября 1924 года брату, крупному искусствоведу Федору Людвиговичу Эрнсту (1891–1942) в Киев: «КрымСовНарКом потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым. Раскапывали древние татарские кладбища около станции. Выкапывали старые, ушедшие в землю, надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересными по строительной конструкции [54].

12 июня 1925 года А. С. Башкиров в письме к Б. В. Фармаковскому так обозначил особенности своего московского бытия:

«Моя московская жизнь и работа пока идет под благоприятной атмосферой. Конечно, ручаться ни за что не приходится. После тревожного периода постройки этнологического факультета в 1-м МГУ из ФОНа, настало затишье. Многие остались не удел. Моя работа пока оставлена: мне поручено читать на Отделении материальной культуры “Археологию России” и “Археологию Крыма”, а на Отделении искусствознания – “Искусство Крыма”. Из археологов приглашены только В. А. Городцов, А. А. Захаров и Ваш покорный слуга. Работаю я штатным действительным членом в Научно-исследовательском институте археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в той же роли в Северо-Кавказском комитете и ученым сотрудником в Историческом музее. Сотрудничаю в приватном порядке в Московской секции РАИМКа, в Российской академии художественных наук, в Ассоциации востоковедения СССР и в ряде комиссий в Наркомпросе.

Вся прошлая зима была в напряженнейшей работе по обработке материалов лета 1924 года, попутно с обработкой читал доклады и провел их, побив рекорд, до 17-ти. Написал я краткий отчет о работах около Бахчисарая в Крыму в Н. В. [журнал “Новый Восток” – А. Н.] № 8.

Устал я от зимы невероятно, но рвусь снова в работу, которую буду вести и в Крыму, и на Кавказе. <...> Надеюсь, что Академия по примеру прошлых лет не откажет мне в “Открытом листе”, так как в работе своей и тщательность, и осторожность я провожу по “Ольвийской системе”, которая не всем археологам доступна. Я очень жалею, что мне не удалось быть в Ленинграде. Мне думается, что

Вы с удовлетворением бы отметили те результаты, которых я добился. Вам легче было бы давать мне отзывы. Хотя ваш лестный для меня отзыв был дан еще летом на Гераклее. Как было бы хорошо, если бы Вы нашли возможным и в наступающее лето посетить мою работу, хотя бы и для того, чтобы у Вас рассеялось недоумение к моей работе по изучению памятников средневекового Востока.

Гераклеяская экспедиция. А. С. Башкиров в первом ряду слева. 1924 год

Мысль об экспедиции в Персию еще не забросил и чем больше я работаю над Кавказом, тем более к ней готовлюсь.

Ваш благодарный А. Башкиров» [55].

Об активной роли крымских властей в организации широкомасштабной экспедиции по изучению мусульманских памятников истории и культуры в 1925–1926 годах свидетельствует письмо представителя Крымской АССР при Президиуме ВЦИК Д. Софу. Зная о планах Всесоюзной ассоциации востоковедения при ВЦИК СССР по организации экспедиции, 14 января 1925 года он отправил туда официальное ходатайство (№ 1484): «Просим Ассоциацию востоковедения принять участие в научно-исследовательской работе Крымской Республики в 1925 г.

Крымское правительство озабочено широкой постановкой дела исследования прошлого и настоящего Крыма, для чего считает необходимым дополнительные ассигнования Центра в размере 4.000 руб.

Просим Ассоциацию востоковедения исходатайствовать эту сумму для раскопок Бахчисарая и Старого Крыма (Сулхат)» [56].

С учетом этих пожеланий руководитель экспедиции – заведующий историко-этнологическим отделением РАНИОН, профессор И. Н. Бороздин обратился в Президиум ВЦИК с официальным письмом: «Предавая большое значение систематическому и планомерному изучению восточных культур Крымской Республики, Научная ассоциация востоковедения Союза СССР в тесном контакте с КрымЦИКом и КрымСовНарКомом предпринимает летом настоящего года экспедицию в Крым, имеющую целью обследование памятников старины, народного быта и современного строительства.

Не имея средств для намеченной экспедиции, представитель Крымской Республики по поручению КрымЦИКа и КрымСовНарКома возбуждает ходатайство об отпуске 4.000 рублей, каковое ходатайство Научная ассоциация востоковедения полностью поддерживает ввиду важности научно-исследовательских работ этой экспедиции» [57]. К письму прилагалась составленная Бороздиным и Башкировым смета на отпуск средств на оборудование и подготовку работ экспедиции по изучению культуры крымских татар из ассигнованных Совнаркомом СССР сумм. Предполагалось закупить фотографическое оборудование, приборы для топографического и архитектурного обмера, рисовально-чертежное оборудование, репродукционно-эстампное и письменное оборудование, упаковочные материалы. Оплачивались проезд и содержание двух руководителей экспедиции с суточными на 30 дней: по пять рублей в день каждому.

1925–1926 года – время проведения масштабной Солхатской (Старо-крымской) экспедиции, в которой совместно принимали участие Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. За музеем стоял КрымОХРИС, представители которого курировали работы. Финансировал мероприятие ЦИК и СНК Крымской АССР.

Возникшее противостояние за право проведения археологических раскопок между Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Государственной академией истории материальной культуры, куда изначально обращался с подобным предложением руководитель КрымОХРИСа А. И. Полканов, удалось сгладить. Предполагаемые вначале две отдельные экспедиции: археологическая (руководители И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров) и этнографическая (руководитель Б. А. Куфтин) были объединены в одну [58]. В письме председателя Совнаркома Крымской АССР О. А. Дерен-Айерлы в Государственную академию истории материальной культуры от 22 июня 1925 год руководитель Крымского правительства просит ленинградских ученых прислать своих наблюдателей за раскопками, проводимыми И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым [59]. По этому же поводу руководитель КрымОХРИСа А. И. Полканов писал И. Н. Бороздину:

«Дорогой Илья Николаевич.

К сожалению, не застал, а надо было поговорить, так как из собеседования с Башкировым выяснил, что существует какое-то недоразумение по поводу крымских раскопок.

1. В это лето у нас будет две экспедиции. Первая, интересующая Вас, по раскопкам Солхата и вторая, Вам неинтересная, по сбору для КрымЦИКа этнографии в степной части Крыма. К участию в последней мы привлекаем профессора Куфтина.

А. И. Рыков на раскопках Кырк-Азизлера. 1924 г.

Что касается первой, то производство раскопок мы мыслим только с Вашим и Башкирова участием и, конечно, с нашим.

Что же касается времени, плана и форм экспедиции, то необходимо по этому поводу предварительно договориться, так как нам желательно, прежде всего, в обеих работах участие Боданинского.

Кроме того, мы обязаны по своей линии подчинения обратиться в Музейный отдел или Академию истории материальной культуры. Быть может они пожелают дать своего представителя, ибо дело это выходит и за пределы Крыма, и за пределы чисто татарской культуры, так как, несомненно, углубимся, быть может, до каменного века. О необходимости обратиться в Музейный отдел мне уже указали. Думаю, что это не встретит никаких возражений при моем разъяснении и с Вашей стороны. Как в прошлом мы с Вами дружно работали, так, надеюсь, и в будущем заработаем без всяких недоразумений.

С искренним приветом, А. Полканов» [60].

В преддверии начала работ на заседании КрымОХРИСа от 5 мая 1925 года был заслушан доклад Н. Л. Эрнста об итогах совместных предварительных археологических разведок КрымОХРИСа и Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в 1924 году. А. И. Полканов рассказал о предполагаемых в текущем году раскопках в Старом Крыму и этнографической экспедиции для изучения крымско-татарской материальной и духовной культуры и древностей. Постановили:

просить Главнауку Наркомпроса РСФСР и Государственную академию истории материальной культуры взять на себя руководство раскопками. Просить профессора А. С. Башкирова вернуть в Крым материалы раскопок 1924 года [61]. Заметим, что эти материалы Башкиров так и не вернул. Они сохранились в составе его личного архивного фонда.

Целью научной экспедиции 1925–1926 годов стало изучение средневековых археологических и архитектурных памятников по всему полуострову, а также этнографические разработки (изучение крымскотатарского фольклора, жилища). В первый год исследований за 42 дня специалисты обследовали 64 населенных пункта. Руководил экспедицией авторитетный крымовец, профессор Илья Николаевич Бороздин. Фактически руководителей было двое. Второй – Алексей Степанович Башкиров. Среди участников – весь цвет крымоведческого сообщества 20-х как столичных, так и местных: руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, архитектор, историк искусства и архитектуры Павел Иванович Голландский, архитектор Центральных государственных реставрационных мастерских из Москвы Борис Николаевич Засыпкин, преподаватель Крымского педагогического института М. В. Фрунзе Осман Асанович Акчокраклы, директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеин Абдурефиевич Боданинский, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст, профессор 1 МГУ и Антропологического института Борис Алексеевич Куфтин.

Старателями археологии и этнографии было собрано более 150 этнографических и бытовых предметов, 50 эпиграфических раритетов (рукописей), записано около тысячи образцов фольклора на Южном берегу Крыма и Восточном Крыму. Сделано 200 фотоснимков и 300 зарисовок объектов культурного наследия. Для Старого Крыма (Солхата) был систематизирован свод археологических памятников и составлен генеральный план всех сохранившихся древних сооружений, произведены зондажные раскопки медресе у мечети Узбека, которые выявили остатки дюрбе. В окрестностях Бахчисарая обследованы мечети Аккаш, Асма-Кую, Бурма-Чешме, Сырлы-Чешме, Умерша-Эфенди, Хан-Джами. Многочисленные открытия дали раскопки кладбища района Азис – изучались сохранившиеся мавзолеи. Ученые пришли к общему выводу о значительном влиянии на развитие архитектуры тюркского населения Крыма в XIV–XVI веках сельджукского компонента из Малой Азии [62–64]. В результате работ сделаны уникальные фото памятников Старого Крыма.

Сохранились дневники раскопок А. С. Башкирова в Солхате в 1925 году [65], тетрадь А. С. Башкирова с описанием надгробий и архитектурных фрагментов с переводом О. А. Акчокраклы из Солхата за 1926 год и тетрадь А. С. Башкирова с описанием надгробий и архитектурных фрагментов в Отузах за 1925–1926 годы [66]. В личном архивном фонде А. С. Башкирова отложились многочисленные ценные для сегодняшнего дня фотографии раскопок медресе и мечети в Солхате в 1925–1926 годах [67], других памятников [68]. Составленные А. С. Башкировым в ходе работ списки объектов культурного наследия можно назвать отдельными научными разработками ученого. Так, интересен датированный 1926 годом «Список

архитектурного наследия Крыма» [69]. Содержательна рукописная «Схема расселения Крыма» [70].

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин на раскопках в Старом Крыму. 1925 год

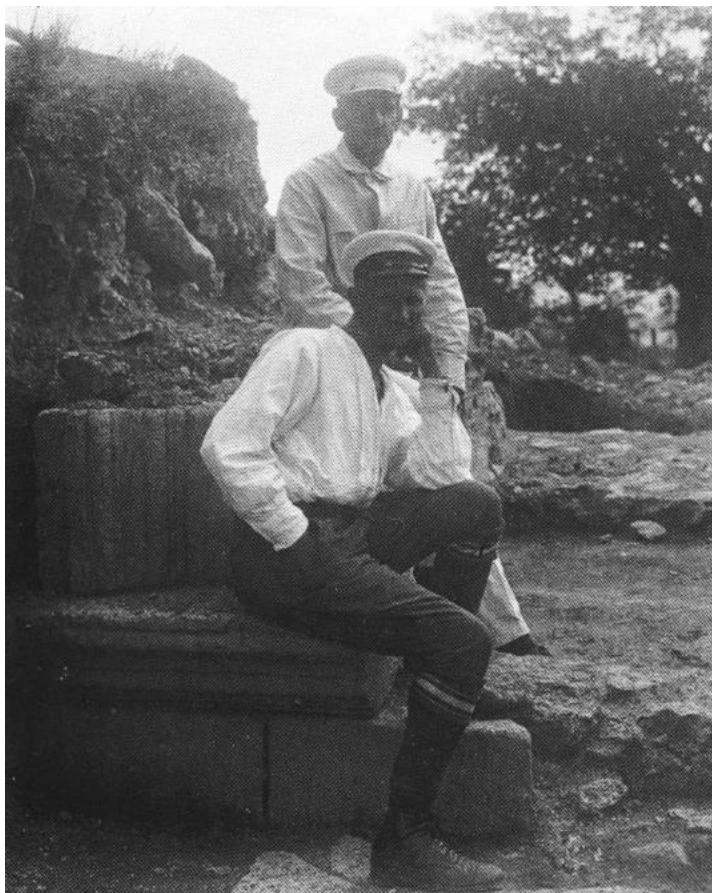
Фотоматериалы экспедиции 1925–1926 годов свидетельствуют, что обследовались также памятники Феодосии и Судака [71], армянский монастырь Сурб-Хач [72], Коктебель [73], Ай-Тодор, Харакс и раскопки Нимфея в Керчи, Карасубазар [74]. Производились раскопки в Отузах, Карасубазаре, Карагозе [75]. Фотодокументы демонстрируют участников экспедиции в ходе работ и на отдыхе, в том числе – директора Феодосийского музея краеведения Николая Степановича Барсамова и художника Максимилиана Александровича Волошина [76].

Материалы экспедиции 1925–1926 годов, сохранившиеся в личном архивном фонде А. С. Башкирова, содержат и рукописи участников экспедиции. Среди списков памятников старины Старого Крыма, взятых на учет экспедицией и КрымОХРИСом, нами выявлен «План г. Солхата с указанием памятников древности», подготовленный П. И. Голландским [77], и составленная О. А. Акчокраклы «Хронологическая таблица мусульманских памятников в Старом Крыму (Солхат), найденных во время экспедиции 1925/26 г.» [78].

Одновременно со средневековыми памятниками эпохи Крымского улуса Золотой Орды ученый уделял внимание и Херсонесу. Согласно сохранившемуся дневнику А. С. Башкирова, исследования шли в русле работ «Гераклейской

археологической экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в сентябре 1924 и в сентябре 1925 годов [79]. К дневнику прилагались описи вещей из раскопок в Александриаде около Севастополя, фото находок и участников экспедиции.

Постоянные консультации члены научной экспедиции в Солхате получали от организатора крымоведческих исследований – председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии А. И. Маркевича (1855–1942). Неслучайно статью «Художественные памятники Солхата» А. С. Башкиров посвятил Арсению Ивановичу [80].

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин на раскопках медресе в Старом Крыму

Нами выявлен отзыв В. В. Бартольда о результатах работы А. С. Башкирова в Крыму, подготовленный для Государственной академии истории материальной культуры 28 июня 1927 года. К данному времени, как отметил Василий Владимирович, А. С. Башкиров в Крыму имел меньший опыт работы, чем в Абхазии и на Таманском полуострове. При этом статьи его, характеризующие результаты

исследований, эксперт оценил как «достаточно информативные». При этом академик заметил, что А. С. Башкиров не только занимался констатацией выявленного археологического и архитектурного материала с элементами его инвентаризации: «заслугой Башкирова можно признать использование альбома художника М. М. Иванова, сопровождавшего Екатерину II в 1797 году, который хранится в Государственном Эрмитаже [81]. Состояние памятников анализировалось А. С. Башкировым в сравнении с материалом, зафиксированным пейзажистом Михаилом Матвеевичем Ивановым (1748–1823), который первым зарисовал крымские древности. В. В. Бартольд констатировал, что в научных выводах А. С. Башкирова «столь же интересно и, по-видимому, имеет научное значение» предположение о сближении крымского медресе с малоазийскими постройками сельджукского периода [82]. Вместе с этим отмечалось, что «слабее всего изложены сведения о надгробных надписях» [83]. Очевидно, А. С. Башкиров не углублялся в этот аспект в связи с тем, что обширный материал по анализу эпиграфических памятников с их переводом готовил его коллега О. Н. Акчокраклы [84]. Выделяя новаторство публикации «Сельджукизм в древнем татарском искусстве», написанной на материалах данных раскопок, рецензент все же заметил, что «пользование статьей А. С. Башкирова несколько затруднено неровностями стиля» [85].

Научная печать сообщала, что «материалы экспедиции профессора А. Башкирова в Старом Крыму», касающиеся истории Золотой Орды, переданы в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае [86]. Однако эксклюзивную часть экспонатов ученые привезли в Москву и передали в Музей восточных культур. Публичным отчетом об экспедиционных исследованиях в Крыму в течение 1924–1926 годов стала открытая 27 февраля 1927 года в Музее восточных культур выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1925–1926 годах. Она готовилась отделом Советского Востока Музея восточных культур при содействии Историко-этнологического отдела Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. Материалы, представленные на выставке, разделялись на два отдела: 1) оригиналы-памятники и 2) многочисленные и разнообразные репродукции с монументальных памятников, находящихся *in situ* (оставленных на хранение в Крыму).

Среди выставленных оригинальных памятников находились предметы материальной культуры и быта, обнаруженные археологическими разведками и раскопками преимущественно на территории караван-сарая и медресе: небольшая коллекция монет золотоордынского периода и многочисленные образцы керамики. Керамика представлялась как в виде целых предметов, так и в виде фрагментов разнообразной посуды, водопроводных труб, поливных плиток. Из целых предметов (их сохранилось очень немного) выделялись сфероконический сосуд, глиняный детский сосудик, поливные плитки (последние найдены при раскопках медресе в 1925 г.) и отдельные бытовые предметы. Среди керамических изделий экспонировалось большое количество расписной поливной посуды, глазурь которой имела разнообразные цвета, но преимущественно была зеленых тонов. Основная масса представленной на выставке посуды относилась к так называемой

золотоордынской керамике, одним из местных центров производства которой являлся Солхат, где были обнаружены в процессе экспедиционных работ остатки гончарной мастерской близ караван-сарая. Наряду с местной керамикой имелись образцы керамики привозной: персидской, малоазиатской. Так, квадратные глиняные плитки из медресе, покрытые поливой бирюзового цвета, и по своему характеру, и по технике принадлежали к привозным изделиям, скорее всего, персидским. Фрагменты водопроводных труб давали представление о системе водоснабжения древнего Солхата.

Второй отдел выставки представлял разнообразные репродукции с обследованных экспедицией памятников, знакомя в то же время с самим ходом исследовательских работ. В экспозицию этого отдела вошли: планы и чертежи, выполненные археологами (общий генеральный план Старого Крыма с нанесением на него всех сохранившихся памятников; план медресе близ мечети Узбека с обозначением как сохранившихся надземных частей, так и раскопанной территории; план караван-сарая с фиксацией произведенных археологических разведок; планы и реставрация мечети Куршум-Джами [Свинцовая мечеть]; план разведок в районе Кешане; планы и разрезы многочисленных деталей медресе и мечети Узбека). Выставлены были фотоснимки, знакомящие со всеми памятниками Старого Крыма, их деталями и фиксирующие отдельные моменты хода научно-исследовательских, раскопных работ, а также эстампажи, снятые с надгробий и архитектурных фрагментов. Надгробия, снабженные интереснейшими надписями на арабском и старотатарском (джагатайском) языках, являлись ценным источником для ознакомления с этническим составом населения Солхата, социальными отношениями, бытовым укладом и хронологией. Ученые показывали посетителям, что надгробные надписи свидетельствовали, что в Старом Крыму проживали пришельцы из Малой Азии, Сирии Месопотамии, Армении, Персии, Северной Африки. Надгробия относятся преимущественно к XIV веку (самое раннее, однако, датируется концом XIII века). Надгробия воздвигались над людьми различного социального положения: шейхами, воинами, придворными, представителями религиозной секты (Эхи), учеными (надгробие астронома), торговцами. Наряду с мужскими надгробиями демонстрировались надгробия женские и детские. В художественном отношении орнаментальные детали надгробий и архитектурных фрагментов указывали, по мнению устроителей выставки, на прочные связи Солхата с Малой Азией (особенно с центрами сельджукизма), с мамелюкским Египтом, Кавказом, Средней Азией и даже Дальним Востоком.

Выставку украсили акварельные зарисовки художника – мастера исторического пейзажа Константина Федоровича Богаевского (1872–1943), по поручению экспедиции подготовившего ряд этюдов медресе, мечети Узбека и караван-сарая. Для сравнения демонстрировались фотоснимки с рисунков из хранившегося в Государственном Эрмитаже альбома художника М. М. Иванова 1787 года. Эти рисунки давали представление о состоянии памятников, уже разрушенных к середине 20-х годов, в конце XVIII века.

Отдельно экспонировалась витрина с литературой (книги, брошюры, статьи), посвященной Старому Крыму и его древностям [87].

Одновременно с Солхатской А. С. Башкиров в 1925 году стал организатором Таманской археологической экспедиции, которая кроме древностей Тамани занималась изучением Керченского полуострова. Ученый привлек к работе там аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН В. Д. Блаватского, М. М. Кобылину, Л. П. Харко [90]. Исследования велись на протяжении 1925–1927 годов [91–94].

В очерке «Археологические открытия на территории СССР за 1925 год», опубликованном в «Новом Востоке», А. С. Башкиров отметил, что было немало «интересных археологических открытий, развернувших новые любопытнейшие страницы прошлого». Им выделены исследования в Крыму Г. А. Бонч-Осмоловского и С. И. Забнина в Киик-Кобе, подробно расписаны раскопки В. А. Городцова и его научной школы. Отдельно автор остановился на результатах раскопок Солхатской экспедиции, отметив, что это совместное исследование столичных и местных научных сил [95].

Сохранился отзыв о результатах раскопок И. Н. Бороздина и Башкирова медресе и мечети Узбека в Старом Крыму, составленный археологом историком-востоковедом Александром Юрьевичем Якубовским (1886–1952). В момент рецензирования он сотрудничал в Государственной академии истории материальной культуры в разряде археологии Средней Азии. В документе отмечена важность изучаемого памятника для понимания золотоордынской культуры [96].

Нами выявлено письмо А. С. Башкирова, адресованное Б. В. Фармаковскому (1870–1928), написанное 26 мая 1926 года, перед отъездом на очередной полевой сезон в Крым и на Тамань. Оно передает заботы как личные, так и о команде, с которой работал А. С. Башкиров в данный период. Послание является своеобразным отчетом перед учителем, с которым автор письма не виделся определенный отрезок времени. Приводим текст письма полностью:

«26/V26 Москва, Зубовский бульвар, 15 к. 3 тел. 4.50.29.

Дорогой Борис Владимирович!

Давно я ничего о себе не писал, давно Вас не видел.

Разрешите мне по старой памяти по-ученически поговорить с Вами, как с дорогим для меня Учителем, к которому у меня всегда теплое чувство и к которому у меня всегда горячая благодарность. Злые и негодные языки говорят, что Вы ко мне за последние годы нехорошо относитесь, но как-то не верится. Во-первых, потому что я ничего плохого не сделал, а во-вторых, Вы мне очень много сделали хорошего в прошлом и я верю, что не откажете мне в будущем. Ведь да?

Раскопки в Солхате. И. Н.Бороздин, А. С. Башкиров, А. Л. Якобсон. 1926 г.

В истекшем учебном году в Московском университете я читал курсы: “Археология России” (исторический период), “Археология Крыма (на Археологическом отделении)” и “Искусство Крыма” на отделении искусствознания.

По-прежнему состоял действительным членом Научно-исследовательского Института археологии и искусствознания, действительным членом Восточного (бывшего Кавказского) комитета и ученым сотрудником Исторического музея.

Как видите, Ваш ученик и в Москве работает не хуже, чем в Самаре, и Ваше имя в связи с моим здесь повторяется часто, не хвалясь сказал бы Вам, для Вас в хорошем смысле. Кратко сообщая Вам о своей работе, скажу и о будущем: летом настоящего года я намерен продолжать работу в Старом Крыму и Абхазии. До Старого Крыма я надеюсь провести разведочную работу по изучению памятников Тамани и отчасти Керченского полуострова. Эта рекогносцировка будет проведена при участии аспирантов Исследовательского института и оканчивающих студентов Московского университета. Она связана с работой моего коллектива в Исследовательском институте, который проработал уже год. “Коллектив по изучению памятников Керченского и Таманского полуострова”. Он состоит из аспирантов Отдела археологии и Отдела искусствознания. Ближайшее участие принимает А. Н. Зограф. Не дерзая по всем специальностям руководить коллективом, я организовал при нем своего рода институт содействующих его работе, консультантов, в котором участвуют А. В. Орешников, Н. И. Новосадский, А. А. Захаров, В. А. Городцов,

Б. Н. Граков, А. И. Зограф, Ю. Ю. Марти, И. Н. Бороздин и др. С этой же целью я обращаюсь от лица Коллектива и от себя с глубокой просьбой к Вам не отказаться быть в этом институте руководителем, тем более, что Вы неоднократно членам Коллектива оказывали и оказываете постоянную научную помощь, когда они обращаются к Вам. Например, Блаватскому, Кобылиной, Харко и др. Мы имеем право надеяться на то, что Вы не откажете нам помогать не только потому, что Вы никогда не отказывали в научном содействии, но и потому, что Вы утверждены действительным членом нашего института по представлению Института в Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Итак, если и не последует от Вас извещения о согласии, все-таки будем Вас считать своим членом? Да?

Еще один вопрос, Борис Владимирович! Также коллектив в настоящее время поставил себе задачей составить “Сборник по изучению памятников Керченского и Таманского полуостровов”. Сборник имеет задачей дать дорогу молодежи, но чтобы эта дорога была хорошей и просим наших старших товарищей нам помочь присылкой своих статей размером от 15 до 20 тысяч знаков, а может быть и больше при наличии 2–3 таблиц. Согласились принять участие в сборнике (помимо 12 человек молодежи, из них 3 эпиграфиста пишут одну статью коллективно, так что немного займут листов) А. В. Орешников, Н. И. Новосадский, В. А. Городцов, А. А. Захаров, Б. Н. Граков, Ю. Ю. Марти, А. Башкиров. Зограф уже прислал свою статью. Обращаемся и к Вам с просьбой принять участие в этом “Сборнике”. Обещана нам и финансовая помощь, что дает твердую надежду на его выход. Думаем, этот “Сборник” посвятить 100-летию Керченского музея. Очень просим Вас, если найдете возможным, подготовить рукопись к августу месяцу.

При сем письме прилагаю к Вам заявление Мар. Мих. Кобылиной с просьбой принять ее в числе Ваших сотрудников на раскопках Ольвии. Я со своей стороны должен сказать, что эта моя ученица считается лучшей антиковедкой в Исследовательском институте. Она 2 года уже работает в Музее изящных искусств. Вам она знакома по Ленинграду, где Вы ей помогали во время ее работы, она ни на какие экономические вспомоществования не рассчитывает, а просит Вас об одном – допустить ее поучиться у Вас. Я очень прошу Вас не отказать ей в этой просьбе. Для Москвы это будет второй Ваш ученик, а с Блаватским и третий.

Простите, дорогой Борис Владимирович, за беспокойство. Прошу Вас очень помнить обо мне как о глубоко преданном Вам и всегда вспоминающем об Вас с огромным чувством глубокого к Вам уважения.

Ваш Алексей Башкиров» [97].

1926 год вошел в историю крымоведения как время созыва первой после досоветской практики организации археологических съездов Всесоюзной археологической конференции в Керчи [98]. А. С. Башкиров вошел в Московский комитет по организации этого форума, посвященного столетию основания Керченского музея древностей [99]. Его доклад «Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов» стал результатом последних экспедиционных исследований и вызвал живое обсуждение [100] на секции тюрко-татарской археологии, которая

впервые в истории была создана на подобных конференциях [101]. На секции ирано-эллинской археологии ученый выступил с сообщением «Новости археологических исследований на полуострове Тамань» [102].

После возвращения с конференции в Москву А. С. Башкиров выполнил просьбу директора Керченского археологического музея Юлия Юрьевича Марти (1874–1859) и разместил в журнале «Новый Восток» рецензию на подготовленные Ю. Ю. Марти к столетию музея и конференции две книги: монографию «Сто лет Керченского музея» и «Путеводитель по керченским древностям» [103].

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин в экспедициях 1924–1926 годов и в ходе других исследований в иных регионах работали рука об руку. Среди сохранившихся сотен фотоснимков, отражающих ход работ, они постоянно рядом. А. С. Башкиров формально считался подчиненным руководителя экспедиции, однако на практике они вдвоем обсуждали все вопросы и принимали решения. Несмотря на то, что ученые были практически ровесниками, А. С. Башкиров в этой связи считался учеником более опытного, имевшего уже значительный авторитет в научном сообществе И. Н. Бороздина. Вместе они участвовали во всех научных форумах. Близкий к И. Н. Бороздину историк и литературовед Борис Павлович Козьмин (был женат на сестре Ильи Николаевича – Тамаре Николаевне Козьминой-Бороздиной [1889–1959]) неоднократно предупреждал его, что А. С. Башкиров завидует ему, злится, что он постоянно оказывался на втором плане [104]. Илья Николаевич игнорировал эти предупреждения.

В это время А. С. Башкиров активно сотрудничал в редакции «Большой советской энциклопедии», поместив там ряд статей по истории и археологии Юга СССР [105]. Он также был членом Комиссии по изучению и охране памятников Крыма. В ее составе работали крупнейшие ученые Д. В. Айналов, В. В. Бартольд, И. А. Орбели, Б. В. Фармаковский и др. [106]. Неслучайно 3–4 февраля 1927 года И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров – главные организаторы созданного в столице совещания по изучению культуры и искусства тюркских народов. Научное собрание затеяли в преддверии намечавшейся на 5–10 мая этого года масштабной конференции по проблемам изучения истории и культуры тюркских народов в Бахчисарае. Открывал совещание И. Н. Бороздин, а первый (основной) доклад делал А. С. Башкиров, который остановился на очередных задачах изучения археологии тюркских народов. Докладчик выделил несколько важнейших вопросов для дальнейших исследований: тюркской прародины и тюркской культуры древнейшей поры; изучение домусульманской культуры; изучение хазарской культуры. Выступавший вслед за этим Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970) отметил, что основные данные по искусству золотоордынского Крыма добыли исключительно благодаря исследованиям А. С. Башкирова и У. А. Боданинского в Эски-Юрте в 1924 году и экспедиции 1925–1926 годов А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина, что свидетельствовало о признании этих исследований специалистами как наиболее результативных [107]. Бахчисарайская конференция по данной проблеме несколько раз переносилась, но так и не состоялась. Московское совещание поэтому стало определяющим для дальнейших исследований.

20.10.46. Муз. 241

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат
по Просвещению.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ,
НАУЧНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫХ И
МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ГЛАВНАУКА)

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
и
ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА И СТАРИНЫ.

20.10.46 1946 г.
№ 73/2

Открытый лист
№ 43

Главное Управление Научных, Научно-Художественных и Музейных
Учреждений (Главнаука) Наркомпроса по Отделу по делам Музеев и
охране памятников искусства и старины, выдавая настоящий Открытый
лист И. И. Соколову М. У. - А. С. Башкирову
на право производства археологиче-
ских раскопок в пределах Сел. Кавказа
и Крыма
просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные
учреждения и частных лиц оказывать А. С. Башкирову
всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения
возложенного на него поручения.

Исследователь б обязыва есть не позднее
1-го Декабря 1924 года представить в Отдел по Делах Музеев и
охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все до-
бытые раскопками памятники древности, а также отчеты и днев-
ники раскопок. Настоящий Открытый Лист действителен по 1-е
Декабря 1924 года.

Заведующий Главным Управлением Научных,
Научно-Художественных и Музейных Учреждений:

Заведующий Отделом по Делах Музеев и
охране памятников искусства и старины: Н. Троцкий

Ученый Секретарь: Килин

Открытый лист А. С. Башкирову

В 1928–1929 годах Алексей Степанович как один из ведущих специалистов по средневековой археологии Поволжья переключился на исследования болгаро-татарской культуры, организованные Научно-исследовательским институтом этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН и Всесоюзной научной ассоциации востоковедения совместно с академическим центром Татнаркомпроса.

После Солхатской экспедиции А. С. Башкиров становится одним из наиболее авторитетных крымоведов. К историку обращаются с просьбами о вступительных статьях к популярным крымоведческим изданиям [108]. Еще раз публикуется его историко-археологический почерк по древнему средневековому Крыму [109]. Именно в авторстве А. С. Башкирова помещается обобщающая рецензия на публикации журнала Российского общества по истории Крыма «Крым», где он охарактеризовал основные тенденции крымоведения 20-х [110].

Продолжая активно сотрудничать в Обществе по изучению Крыма (РОПИК в апреле 1927 года поменяло название, заявив свой всесоюзный, а не только российский статус), А. С. Башкиров принял участие в подготовке комплексной экспедиции этой научной организации по изучению Керченского полуострова. 2 декабря 1927 года секретарь Московского отделения ОПИК обратился к Алексею Степановичу с письмом, где сообщалось о решении Президиума этой организации отправить комплексную экспедицию на Керченский полуостров. Предполагалось, что географическими обследованиями займется Б. Ф. Добрынин, экономическим изучением – Н. Т. Юрин [111].

В этой связи А. С. Башкиров предложил программу будущих исследований:

«Докладная записка и смета на этнологическое обследование
Керченского полуострова летом 1928 г.

Намечаемое этнологическое обследование Керченского полуострова на лето 1928 года является началом первого систематического изучения одного из интереснейших районов Крыма, оставленного без внимания даже составителями путеводителей.

Край, насыщенный поразительными и многоценными памятниками разнообразных времен, населенный разнообразными народами с разнобытовыми элементами культуры, некогда представлял цветущий уголок Тавриды. В настоящее время в нем хлебопашество упало, садоводство замерло, даже сухостойные культуры с трудом получают свое развитие. Население стремится жить отхожим промыслом, часто бросая свои хозяйства. Культура в крае падает из-за слабой экономической базы.

Научное обследование края должно выяснить факторы прошлой цветущей культуры и факторы запустения края, возникшие и развившиеся в императорский период. Они таятся и в социальном, и бытовом укладе, которые привели к тому, что край запустел. Большим бедствием служило угнетение татарского населения; бесправие его привело к потере культурных навыков и, прежде всего, хотя бы к разрушению оросительной системы края.

Интересен быт, интересен социальный уклад до мельчайших подробностей и в деревне, и в городе, и на промыслах, дающих большое подспорье населению.

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин. Старый Крым. 1925 г.

Край чрезвычайно богат памятниками прошлого. Помимо античных остатков в ряде городищ, могильников и т. д., здесь встречаются следы и глубоких доисторических времен и в большом количестве как Средневековья, так и Нового времени.

В изучении прошлого Крыма на Керченском полуострове Общество может войти в контакт с НИИ археологии и искусствоведения РАНИИОН тем более, что последний ведет уже второй академический год в соседней области на Таманском полуострове при посредничестве тех же сил, кои намерены работать на Керченском полуострове от Общества.

В обследовании Керченского полуострова Общество, имея инициативу в Московском отделении, привлекает к работе, кроме московских ученых, исследователей и Крыма и прежде всего Керченского отделения, опираясь на сложившиеся научные базы» [112].

Эти же мысли А. С. Башкирова были усилены им в неопубликованной рукописи «Вопросы изучения Керченского полуострова» [113]. Составляя смету суточных, А. С. Башкиров заложил деньги для двух руководителей – себя и Б. А. Куфтина,

однако руководил работами только Б. А. Куфтин, которому и принадлежит авторство всех отчетов экспедиции.

В пик научной активности и признания результатов его работ Алексей Степанович старался не замечать значительных изменений в общественной обстановке вокруг себя. Прошедшие на рубеже 20–30-х годов «чистки» в столичных научных и учебных заведениях не затронули А. С. Башкирова. В 1930 году он успешно прошел «чистильную комиссию» в 1 МГУ и был утвержден заведующим кафедрой археологии на историко-философском факультете. Однако уже в следующем году эта кафедра была закрыта [114].

А. С. Башкиров. Старый Крым. 1926 г.

Еще с 1924 года (по протекции В. А. Городцова) и по 1933 год ученый являлся сотрудником Государственного исторического музея, где заведовал Отделом византийских памятников. После чистки главного музея страны от «буржуазных специалистов» 17 сентября 1929 года «по рационализации работы музея» были уволены многие старые сотрудники, в том числе и В. А. Городцов. Ликвидировался археологический отдел, а вместо него учредили сектор истории развития общественных форм с отделами по отраслям исторического быта. В 1929–1933 годах А. С. Башкиров являлся сотрудником отдела быта национальностей. В это время он был занят организацией Северокавказской (1930 г.) и Среднеазиатской (1931 г.)

археологических экспедиций [115]. На этом фоне увольнение А. С. Башкирова из Государственного исторического музея в 1933 году стало для него неожиданностью. Он верил, что наработанный за прошедшее десятилетие научный багаж и, соответственно, авторитет, опыт организации знаковых для регионоведения, громких экспедиций послужат щитом, который сделает ученого неприкасаемым.

20-е годы – время массового совместительства ученых – как столичных, так и в провинции – на разных службах. Работали где только можно, где позволяли связи и научный опыт. В 1926–1935 годах Башкиров занимал должность научного сотрудника Государственного музея Востока. Одновременно с 1924 по 1934 года он являлся действительным членом Института археологии и искусствознания, а также Института народов Востока, входивших в систему РАНИОН. Основное место работы Башкирова менялось между названными институтами. От него постепенно избавлялись в академических структурах. К 1935 году он – научный сотрудник Всесоюзной академии архитектуры [116].

В 1932 году началась кампания по разгрому Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, которая проходила в несколько этапов. Одной из форм уничтожения неугодных историков РАНИОН стала травля ряда ученых, которая выразилась в критике их трудов в научной печати. Громом для А. С. Башкирова прогремел первый выпуск журнала «Сообщения Государственной академии истории материальной культуры» за 1932 год с рецензией на его работу о резных камнях Дагестана [117], подписанной археологом, искусствоведом Камиллой Васильевной Тревер (1892–1974). По мнению историка науки А. А. Формозова, на самом деле автором рецензии являлся востоковед, кавказовед, заведующий отделом Востока Государственного Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), в то время – член-корреспондент АН СССР, с которым К. В. Тревер тогда была близка. Именно И. А. Орбели незадолго до этого ездил в Дагестан, в аул Кубачи, чтобы посмотреть и вывезти в Эрмитаж те самые надгробия с гравировками, о которых писал А. С. Башкиров [118]. Написанная в памфлетном стиле статья К. В. Тревер не оставляла сомнений в желании уничтожить автора книги как научного работника: «Нелепость всех этих “социологических” “яфетических” рассуждений, уснащенных научными, часто искаженными, терминами, проистекает (помимо указанного выше способа усвоения автором этих терминов) прежде всего из того, что это – мантия, оболочка или, вернее, дымовая завеса, за которой скрывается подлинное лицо автора: чистейшей воды формалиста, которому на всем протяжении книги не пришло в голову хотя бы раз, хотя бы по какому-нибудь одному случаю остановиться на вопросе о существовании тех производственных отношений, о которых он говорит, на том, что представляло собою десятки раз упоминаемое им (в силу привычности звукосочетания) “феодальное общество Востока и Запада”. <...> Эта книга – результат длительных “изысканий” и трудов автора. И если в ней мы натываемся на такие горы “пиалов”, то не должна ли, естественно, возникнуть тревога за ту подготовку, которую автор, очевидно не всегда имеющий возможность опираться на пятнадцатилетнюю проработку материала, изо дня в день дает будущей смене, за ту школу, которая создается вокруг этого “искусствоведа” и “востоковеда”? <...> Не пора ли подумать о целесообразности дальнейшего развития системы лихих наездов

Башкирова в самые разнообразные районы СССР для продолжения его “чарующе-адорирующих” изысканий?» [119].

В 1934 году начался очередной этап идеологической чистки научных работников. Путем репрессирования краеведов, археологов, музейных работников, преподавателей вузов ликвидировалась система высшего гуманитарного образования. Последней крымоведческой статьей А. С. Башкирова до ареста стала обзорная публикация о краеведных организациях, которые занимались изучением художественной керамики, опубликованная на страницах журнала «Советское краеведение» [120]. Историк отметил, что в Крыму «художественно-промышленное производство» развито в Бахчисарае и Балаклаве.

А. С. Башкиров был арестован 8 января 1935 года. Как оказалось, в Академии архитектуры, где он служил в последнее время, за ним внимательно присматривали коллеги, а его высказывания аккуратно передавались в НКВД. Сообщать в следственные органы коллегам А. С. Башкирова было что... Вот, например, его высказывание об индустриализации: «Индустриализация строится на костях и крови. Жертвы, которые принес рабочий класс России, настолько велики, что несколько поколений у нас принесено в жертву идее построения социализма в одной стране, идеи, которую Сталин проводит в жизнь, не считаясь с кровью, проливаемой тем же рабочим классом, для которого и происходит так называемое “построение социализма”. Сталин – это тот Молох, в жертву которому приносятся миллионы человеческих жизней» [121]. По этому же делу спустя месяц – 14 февраля были арестованы И. Н. Бороздин и А. А. Захаров. Предъявленные им обвинения строились на показаниях А. С. Башкирова. Всем троим вменялась контрреволюционная деятельность, пропаганда против советской власти, шовинизм, национализм. А. С. Башкирову, кроме того, еще и пантюркизм с учетом его связей с археологами Крыма. Характерно, что А. С. Башкиров свою вину признал, а его подельники – нет. Башкиров подвергся 17-ти допросам, 14 из которых пришлось на январь – февраль 1935 года. Допрашивали большей частью ночью и несколько ночей подряд. Устав Бутырской тюрьмы, где проходило следствие, не допускал дневного сна заключенных. Подследственного изнуряли. Конкретные факты крымоведческих исследований получали в следственном деле извращенную криминально-политическую интерпретацию. Так, археологические экспедиции трактовались как установление связей с местными контрреволюционными центрами и отдельными националистическими элементами. Переписка с крупнейшими европейскими археологами – как подтверждение контрреволюционной деятельности. Даже походы в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина расценивались как «подпольные собрания». Башкиров откровенно заявлял на допросах, что «в ряде вопросов» им «не разделялась политика пролетарской диктатуры, что он был недоволен классовым отбором в вузах, игнорированием гуманитарных наук на фоне возвышения наук технических и естественных. Он открыто высказал свое несогласие с существованием монополии марксистской методологии: «наука в моем понимании может существовать и без марксистского теоретического обоснования» [122].

МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

ВЫСТАВКА НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КРЫМУ 1925—1926 гг.

Открытая Отделом Советского Востока Музея Восточных Культур при ближайшем содействии Историко-Этнологического Отдела Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР выставка знакомит с некоторыми результатами научно-исследовательских работ двух экспедиций по изучению татарской культуры в Крыму, организованных Крымциком, Крымсовнаркомом и Крымнаркомпросом совместно с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения в 1925 и 1926 гг. Экспедиции были направлены для археологического обследования первой столицы крымских татар Солхата (Старого Крыма), бывшего крупным экономическим и культурным центром в XIII и XIV веках. Экспедициями был произведен ряд работ как раскопочного характера, так и по учету и собиранию памятников материальной культуры и искусства. В первую очередь был составлен генеральный план старого города с нанесением на него всех особенностей поверхности и с точной фиксацией всех обнаруженных пока памятников татарской старины. На ряду с топографической с'емкой

Титульная страница буклета, подготовленного к выставке

Однако попытки следствия представить обвиняемую тройку как «контрреволюционную организацию» московских археологов успехом не увенчались. Хотя к делу в качестве улики не забыли подшить и полный выпуск «Сообщений» ГАИМК с рецензией К. В. Тревер. Свою роль в развале версии про антисоветский заговор сыграла и демонстративная неявка на заседания суда многих

свидетелей – известных археологов. В частности, не приехал вызванный на суд Николай Львович Эрнст. Сказалось и то, что суд проходил в разгар археологического сезона [123].

Следствие и суд по этому делу раскрыли глубокий конфликт между двумя коллегами-крымоведами. Во время следствия и на суде А. С. Башкиров заявил «об антисоветизме Бороздина»: «Он был сторонником фашизма, а не диктатуры пролетариата, сторонником расовой теории. <...> До последнего времени Бороздин не был доволен советской системой, был националистом, и, как и раньше, придерживался расовой теории» [124]. В этом же духе повел себя и другой ученик И. Н. Бороздина – археолог, участник экспедиционных исследований в Крыму В. Н. Чепелев, приглашенный в роли эксперта. Оценивая научное значение изданного под руководством И. Н. Бороздина сборника «Художественная культура Советского Востока» (1931 г.), он заявил, что книга «пронизана системой расовой теории» и ему лично хорошо известны антисоветские настроения Бороздина [125]. Башкирова и Чепелева не поддержали другие историки и археологи, вызванные как свидетели и эксперты. Так, профессор А. В. Арциховский решительно заявил, что никаких антисоветских разговоров от И. Н. Бороздина не слышал.

Рассмотрение дела по обвинению в контрреволюционной деятельности А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и А. А. Захарова в специальной коллегии Московского городского суда началось 29 июля 1935 года. Согласно приговору, А. С. Башкиров был выслан на три года в Казахстан. Ссылка не ограничивала научную работу историка. Он имел возможность перемещаться по стране, изменялось лишь основное место жительства. В 1935–1940 годах в составе Таманской экспедиции А. С. Башкиров занимался раскопками и в Керчи в качестве рядового члена экспедиции. Руководителями работ были В. Д. Блаватский и В. Ф. Гайдукевич [126]. Сохранились рукописные замечания А. С. Башкирова по итогам осмотра раскопок и фотоматериалов в ходе этих работ [127].

После ссылки А. С. Башкиров вернулся в Москву в 1938 году. В столице он не смог найти работу. Его вообще многие коллеги перестали воспринимать после оговора им его коллеги И. Н. Бороздина. Удалось устроиться в Калининский педагогический институт, где он трудился с 1938 по 1948 годы профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории (с 1942 года). В 1941 году ученый копал в Херсонесе [128].

Интересно, что именно под руководством А. С. Башкирова работала в освобожденном от немецких захватчиков Крыму в мае – июне 1944-го Историко-археологическая комиссия при Ученом совете Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы Наркомата просвещения РСФСР, специально созданная для оказания необходимой помощи крымским музеям для скорейшего восстановления их работы.

В 1945 году, будучи еще не реабилитированным, А. С. Башкиров защитил докторскую диссертацию «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)». Здесь снова сказалась поддержка В. А. Городцова, а также, по мнению А. А. Формозова, – А. В. Арциховского, В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова

[129]. В исследовании в том числе подробно рассмотрены приемы, применявшиеся для стойкости зданий на Боспоре и в Херсонесе.

В 1948 году А. С. Башкиров приехал в Москву, где ему удалось получить должность заведующего кафедрой древней истории Московского педагогического института им. В. П. Потемкина. Его служба в должности заведующего прервалась в 1949 году, и историк продолжил работать на ставку профессора. Одновременно педагогическая деятельность ученого была связана с Ярославским педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского (до 1962 г.), где А. С. Башкиров возглавлял аспирантуру и кафедру всеобщей истории. Он продолжал руководить экспедицией по исследованию памятников Таманского полуострова [130]. Не прекращались и его научные контакты с историко-археологическим заповедником «Херсонес Таврический». В 1961 году Башкиров был ответственным редактором шестого выпуска «Херсонесского сборника».

А. С. Башкиров скончался 1 января 1963 года в Москве.

Яркая фигура исторического крымоведения 20-х годов XX столетия, стоящая в одном ряду с такими знаковыми личностями той же новой постреволюционной волны крымоведов, как У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, А. И. Полканов, Н.Л. Эрнст, Алексей Степанович Башкиров, как и все они, попал под маховик охвативших страну репрессий. Этот факт, безусловно, стал вехой, разрушившей так бурно развивавшуюся его научную карьеру. Несмотря на то, что по сравнению с названными современниками А. С. Башкиров отделался только высылкой, его явно недоюжинное дарование уже не могло в дальнейшем раскрыться в полную силу. Недоброжелательное отношение коллег не позволило ученому вернуться на тот уровень лидера крымоведения, где он находился в «золотые» для него 20-е.

Список использованных источников и литературы

1. Пятыхшева Н. В. А. С. Башкиров // Советская археология. – М., 1963. – № 3. – С. 316–317.
Pjatyshcheva N. V. A. S. Bashkirov // Sovetskaja arheologija. – Moskva, 1963. – № 3. – S. 316–317.
2. Винокуров И. Н. Профессор А. С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель: штрихи биографии // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования / Научно-иссл. центр истории и археологии Крыма Крымского федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. – Керчь, 2016. – С. 92–118.
Vinokurov I. N. Professor A. S. Bashkirov – arheolog, istorik, prepodavatel': shtrihi biografii // XVII Bosporskie chtenija: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja: issledovateli i issledovanija / Nauchno-issl. centr istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal. un-ta im. V. I. Vernadskogo. – Kerch', 2016. – S. 92–118.
3. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Башкиров Алексей Степанович // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 86–112.
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Bashkirov Aleksej Stepanovich // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., отв. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 86–112.
4. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антика, 2015. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25). – С. 88–91, 720.

Nepomnyashchy A. A. Istorija i jetnografija narodov Kryma: bibliografija i arhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i jekonomike Rossii»; «Biobibliografija krymovedenija»; вып. 25). – S. 88–91, 720.

5. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15). – С. 197–199, 326, 343.

Nepomnyashchy A. A. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija. – Kiev: Stilos, 2012. – (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; вып. 15). – S. 197–199, 326, 343.

6. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12.

SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 8–12.

7. Белозерова И. В., Сиротина О. А. Историко-культурные исследования Крыма в 1920-е гг.: по материалам личного архива А. С. Башкирова в ОПИ ГИМ // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». г. Севастополь. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–16 сент. 2016 г.: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2016. – С. 10–12.

Belozjorova I. V., Sirotnina O. A. Istoriko-kul'turnye issledovanija Kryma v 1920-e gg.: po materialam lichnogo arhiva A. S. Bashkirova v OPI GIM // Uvarovskie Tavricheskie chtenija «Drevnosti Juga Rossii». g. Sevastopol'. Gosudarstvennyj istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij», 12–16 sent. 2016 g.: tez. dokl. i soob. Mezhdunar. nauch. konf. / Gos. istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij». – Sevastopol', 2016. – S. 10–12.

8. Белозерова И. В. Обзор научного архивного фонда археолога А. С. Башкирова из Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 545–552.

Belozjorova I. V. Obzor nauchnogo arhivnogo fonda arheologa A. S. Bashkirova iz Otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., отв. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 545–552.

9. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 1, л. 2–3.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 1, l. 2–3.

10. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 86.

Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 86.

11. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 20, л. 1–62.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 20, l. 1–62.

12. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 24, л. 1–44.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 24, l. 1–44.

13. Непомнящий А. А., Синичкин А. В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 210–216.

Nepomnyashchy A. A., Sinichkin A. V. Krymskoe obshhestvo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody i razvitie istoricheskogo kraevedenija Kryma // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – Simferopol', 1998. – № 3. – S. 210–216.

14. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). – Киев, 1999. – С. 151–180.

Nepomnyashchy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedenija Kryma (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX veka). – Kiev, 1999. – S. 151–180.

15. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма // Крым: путеводитель / Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы; под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. – Симферополь, 1914. – С. 156–283.

Bashkirov A. S. Istoriko-arheologicheskij ocherk Kryma // Krym: putevoditel' / Krymskoe obshhestvo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody; pod red. K. Ju. Bumbera, L. S. Vagina, N. N. Klepinina, V. V. Sokolova. – Simferopol', 1914. – S. 156–283.

16. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 157, л. 1–138; д. 158, л. 1–197.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 157, l. 1–138; d. 158, l. 1–197.
17. Башкиров А. С. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1915. – № 2. – Отд. «Критика и библиография». – С. 395–403. – Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. – 2 изд. – Киев, 1914. – 4, IV, 156 с.+2 карты; [Башкиров А. С.] [Рецензия] // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1916. – Т. 5. – С. 183–184. – Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. – 2 изд. – Киев, 1914. – 4, IV, 156 с.+2 карты.
Bashkirov A. S. [Recenzija] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – Sankt-Peterburg, 1915. – № 2. – Отд. «Kritika i bibliografija». – S. 395–403. – Rec. na kn.: Kulakovskij Ju. A. Proshloe Tavridy: kratkij istoricheskij ocherk. – 2 izd. – Kiev, 1914. – 4, IV, 156 s.+2 karty; [Bashkirov A. S.] [Recenzija] // Zapiski Krymskogo obshhestva estestvoispytatelej i ljubitelej prirody. – Simferopol', 1916. – T. 5. – S. 183–184. – Rec. na kn.: Kulakovskij Ju. A. Proshloe Tavridy: kratkij istoricheskij ocherk. – 2 izd. – Kiev, 1914. – 4, IV, 156 s.+2 karty.
18. Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 246 с.
Basargina E. Ju. Russkij arheologicheskij institut v Konstantinopole: ocherki istorii. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1999. – 246 s.
19. СПФАРАН, ф. 116, оп. 2, д. 24, л. 1 об.
SPFARAN, f. 116, op. 2, d. 24, l. 1 ob.
20. Там же, л. 3.
Tam zhe, l. 3.
21. Там же, л. 10.
Tam zhe, l. 10.
22. Там же, л. 11–13.
Tam zhe, l. 11–13.
23. Там же, л. 14–16.
Tam zhe, l. 14–16.
24. Там же, л. 14.
Tam zhe, l. 14.
25. Там же, л. 17.
Tam zhe, l. 17.
26. Там же, л. 18.
Tam zhe, l. 18.
27. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 234, л. 100.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 234, l. 100.
28. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12.
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 8–12.
29. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 91.
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 91.
30. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64, л. 2.
GARF, f. A-2307, op. 22, d. 64, l. 2.
31. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 294, л. 1–73.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 294, l. 1–73.
32. ГИМ ОПИ, ф. 431, оп. 1, д. 379, л. 1–43.
GIM OPI, f. 431, op. 1, d. 379, l. 1–43.
33. Городцов В. А. Дневники, 1928–1944: в 2-х кн. / сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых. – М.: Триумф принт, 2015. – Кн. 1.: 1928–1935. – 687 с., 15 л. ил.; Кн. 2: 1936–1944. – 695 с., 8 л. ил.
Gorodcov V. A. Dnevniki, 1928–1944: v 2-h kn. / sost. I. V. Belozjorova, S. V. Kuz'minyh. – Moskva: Triumf print, 2015. – Кн. 1.: 1928–1935. – 687 s., 15 l. il.; Кн. 2: 1936–1944. – 695 s., 8 l. il.

34. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64, л. 2.
GARF, f. A-2307, op. 22, d. 64, l. 2.
35. Башкиров А. С. Прошлое Крыма: исторический эскиз: пособие экскурсантам / Содружество крымских культурных работников «Чатыр-Даг». – М., 1923, 40 с. – (Серия: «Библиотека Крыма»; № 2).
Bashkirov A. S. Proshloe Kryma: istoricheskij jesviz: posobie jekskursantam / Sodruzhestvo krymskih kul'turnyh rabotnikov «Chatyr-Dag». – Moskva, 1923, 40 s. – (Serija: «Biblioteka Kryma»; № 2).
36. Башкиров А. С. О деятельности Археологического отделения Научно-исследовательского института археологии и искусствознания в 1923/24 учебном году // Древний мир. – М., 1924. – Вып. 1. – Август. – С. 40–42.
Bashkirov A. S. O dejatel'nosti Arheologicheskogo otdelenija Nauchno-issledovatel'skogo instituta arheologii i iskusstvoznaniya v 1923/24 uchebnom godu // Drevnij mir. – Moskva, 1924. – Vyp. 1. – Avgust. – S. 40–42.
37. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 94.
Belozerova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 94.
38. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 9–10.
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 9–10.
39. Башкиров А. С. Доисторический человек Горного Крыма // Крым. – М., 1925. – № 1. – С. 18–22.
Bashkirov A. S. Doistoricheskij chelovek Gornogo Kryma // Krym. – Moskva, 1925. – № 1. – S. 18–22.
40. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. – М., 1926. – № 2. – С. 108–125.
Bashkirov A. S. Sel'dzhukizm v drevnem tatarskom iskusstve // Krym. – Moskva, 1926. – № 2. – S. 108–125.
41. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. – М.; Л., 1927. – № 1(3). – С. 122–144.
Bashkirov A. S. Hudozhestvennye pamjatniki Solhata // Krym. – Moskva; Leningrad, 1927. – № 1(3). – S. 122–144.
42. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 1.
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 1.
43. Там же.
Tam zhe.
44. Башкиров А. [С.] Крым в его прошлом // Крым: путеводитель / под ред. И. М. Саркизова-Серазини; Московское физио-терапевтическое об-во; Российское об-во по изучению Крыма. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. – С. 35–54.
Bashkirov A. [S.] Krym v ego proshlom // Krym: putevoditel' / pod red. I. M. Sarkizova-Serazini; Moskovskoe fizio-terapevticheskoe ob-vo; Rossijskoe ob-vo po izucheniju Kryma. – Moskva; Leningrad: Zemlja i fabrika, 1925. – S. 35–54.
45. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 23, л. 14–51.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 23, l. 14–51.
46. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1924 г.), д. 112, л. 1.
IIMK RAN NA RO, f. 2 (1924 g.), d. 112, l. 1.
47. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 25, л. 1–78.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 25, l. 1–78.
48. Там же, л. 83–115.
Tam zhe, l. 83–115.
49. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 26, л. 1–53.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 26, l. 1–53.
50. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 13.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 13.
51. [Башкиров А. С., Боданинский У. А.] Изучение материальной культуры крымских татар // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 155(1174). – 4 ноября. – С. 2. – Изд. под псевд.: Б. Б.
[Bashkirov A. S., Bodaninskij U. A.] Izuchenie material'noj kul'tury krymskih tatar // Krasnyj Krym. – Simferopol', 1924. – № 155(1174). – 4 nojabrja. – S. 2. – Izd. pod psevd.: B. B.

52. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1924 г.), д. 111, л. 7–24.
ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1924 g.), d. 111, l. 7–24.
53. Там же, л. 17–24.
Tam zhe, l. 17–24.
54. Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института языкознания, фольклористики и этнографии им. М. Т. Рылского НАН Украины, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13 об.
Nacional'nye arhivnye fondy rukopisej i fonozapisej Instituta jazykoznanija, fol'kloristiki i jetnografii im. M. T. Ryl'skogo NAN Ukrainy, f. 13, op. 3, d. 56, l. 13 ob.
55. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 34–35.
Bocharov S. G., Sitdikov A. G. Jekspedicija po izucheniju tatarskoj kul'tury v Krymu // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., otv. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 34–35.
56. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 12.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 12.
57. Там же, л. 16.
Tam zhe, l. 16.
58. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Указ. Соч.
Bocharov S. G., Sitdikov A. G. Ukaz. soch.
59. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1925 г.), д. 181, л. 1.
ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1925 g.), d. 181, l. 1.
60. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 15.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 15.
61. Там же, л. 13.
Tam zhe, l. 13.
62. Башкиров А. С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 2. – 6 сентября. – С. 3.
Bashkirov A. S. Nekotorye maloazijskie hudozhestvennye tradicii v iskusstve krymskih tatar po izyskanijam v Krymu 1924, 1925 i 1926 godov // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 2. – 6 sentjabrja. – S. 3.
63. Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники Крымской татарской старины: Эски-Юрт // Новый Восток. – М., 1925. – № 8/9. – С. 295–311.
Bashkirov A. S., Bodaninskij U. A. Pamjatniki Krymskoj tatarskoj stariny: Jeski-Jurt // Novyj Vostok. – Moskva, 1925. – № 8/9. – S. 295–311.
64. Обзор деятельности Отделения археологии Н.-И. Института А. и И. // Труды отделения археологии / Институт археологии и искусствознания; Российская ассоциация НИИ общественных наук. – М., 1926. – Вып. 1. – С. 89–93.
Obzor dejatel'nosti Otdelenija arheologii N.-I. Instituta A. i I. // Trudy otdelenija arheologii i iskusstvoznanija; Rossijskaja associacija NII obshhestvennyh nauk. – Moskva, 1926. – Vyp. 1. – S. 89–93.
65. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 34, л. 1–153; д. 35, л. 1–36; д. 38, л. 1–24.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 34, l. 1–153; d. 35, l. 1–36; d. 38, l. 1–24.
66. Там же, д. 36, л. 1–170; д. 37, л. 1–100.
Tam zhe, d. 36, l. 1–170; d. 37, l. 1–100.
67. Там же, д. 27, л. 1–68; д. 28, л. 1–75; д. 29, л. 1–65; д. 30, л. 1–41; д. 31, л. 1–42.
Tam zhe, d. 27, l. 1–68; d. 28, l. 1–75; d. 29, l. 1–65; d. 30, l. 1–41; d. 31, l. 1–42.
68. Там же, д. 32, л. 1–49.
Tam zhe, d. 32, l. 1–49.
69. Там же, д. 39, л. 1–3.
Tam zhe, d. 39, l. 1–3.

70. Там же, л. 4.
Tam zhe, l. 4.
71. Там же, д. 41, л. 1–83.
Tam zhe, d. 41, l. 1–83.
72. Там же, д. 42, л. 1–66.
Tam zhe, d. 42, l. 1–66.
73. Там же, д. 43, л. 1–19.
Tam zhe, d. 43, l. 1–19.
74. Там же, д. 44, л. 1–20.
Tam zhe, d. 44, l. 1–20.
75. Там же, д. 45, л. 1–76.
Tam zhe, d. 45, l. 1–76.
76. Там же, д. 43, л. 7–14.
Tam zhe, d. 43, l. 7–14.
77. Там же, д. 33, л. 3.
Tam zhe, d. 33, l. 3.
78. Там же, л. 11.
Tam zhe, l. 11.
79. Там же, д. 63, л. 4–30.
Tam zhe, d. 63, l. 4–30.
80. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. – М.; Л., 1927. – № 1(3). – С. 122–144.
Bashkirov A. S. Hudozhestvennye pamjatniki Solhata // Krym. – Moskva; Leningrad, 1927. – № 1(3). – S. 122–144.
81. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 1.
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 1.
82. Там же, л. 2.
Tam zhe, l. 2.
83. Там же.
Tam zhe.
84. Непомнящий А. А. Научные экспедиции по изучению истории, археологии и культуры Крыма (20-е годы XX века) // Акчокраклы О. Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский науч. центр Ин-та истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; сост. А. А. Непомнящий, Г. Н. Кондратюк, Э. Х. Сейдаметов. – Симферополь, 2016. – (Серия: «Наследие Крыма»). – С. 12–21.
Nepomnyashchy A. A. Nauchnye jekspedicii po izucheniju istorii, arheologii i kul'tury Kryma (20-e gody XX veka) // Akchokrakly O. N. Izbrannye sochinenija po istorii, arheologii, jetnografii / Krymskij nauch. centr In-ta istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan; sost. A. A. Nepomnjashhij, G. N. Kondratjuk, E. H. Sejdametov. – Simferopol', 2016. – (Serija: «Nasledie Kryma»). – S. 12–21.
85. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 2.
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 2.
86. Культура Золотой Орды // Наука и техника. – Л., 1926. – № 14 (159). – 7 апреля. – С. 10.
Kul'tura Zolotoj Ordy // Nauka i tehnika. – Leningrad, 1926. – № 14(159). – 7 aprelja. – S. 10.
87. Бороздин И., Башкиров А. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. / Музей восточных культур. – [М., 1927]. – 7 с.
Borozdin I., Bashkirov A. Vystavka nauchno-issledovatel'skih rabot jekspedicii po izucheniju tatarskoj kul'tury v Krymu 1925–1926 gg. / Muzej vostochnyh kul'tur. – [Moskva, 1927]. – 7 s.
88. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 179, л. 94–97.
IIMK RAN NA RO, f. 2 (1926 g.), d. 179, l. 94–97.
89. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Соло-Рич, 2015. – (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 23). – С. 45–46, 88–89, 92, 103–106.

Lomakin D. A. Musul'manskije pamjatniki Starogo Kryma XIII – XV vv.: istorija izuchenija, sovremennoe sostojanie / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashhego. – Simferopol': Solo-Rich, 2015. – (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; vyp. 23). – S. 45–46, 88–89, 92, 103–106.

90. Башкиров А. С. Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов Н.И.И.А. и И.: выставка материалов Таманской экспедиции 1926 г. / Научно-исследовательский ин-т археологии и искусствознания; Этнологический факультет 1-го МГУ; Российская ассоциация научно-исследовательских ин-тов общественных наук. – М., 1927. – 9 с.

Bashkirov A. S. Kollektiv po izucheniju drevnostej Kerchenskogo i Tamanskogo poluostrovov N.I.I.A. i I.: vystavka materialov Tamanskoj jekspedicii 1926 g. / Nauchno-issledovatel'skij in-t arheologii i iskusstvovoznanija; Jetnologicheskij fakul'tet 1-go MGU; Rossijskaja asociacija nauchno-issledovatel'skih in-tov obshhestvennyh nauk. – Moskva, 1927. – 9 s.

91. Башкиров А. С. Тамань // Новый Восток. – М., 1927. – № 16/17. – С. 280–289.

Bashkirov A. S. Taman' // Novyj Vostok. – Moskva, 1927. – № 16/17. – S. 280–289.

92. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 179, л. 1–97.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1926 g.), d. 179, l. 1–97.

93. Ткачев А. Н. Изучение археологических памятников Таманского полуострова в 1920-е годы // Таврійські студії. Сер.: «Історичні науки». – Сімферополь, 2013. – № 1 (4). – С. 144–149.

Tkachev A. N. Izuchenie arheologicheskikh pamjatnikov Tamanskogo poluostrova v 1920-e gody // Tavrijs'ki studii. Ser.: «Istorichni nauki». – Simferopol', 2013. – № 1(4). – S. 144–149.

94. Ткачев А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа, 1917–1991 гг.: биобиблиографический словарь-справочник. – Краснодар, 2016. – С. 35–37.

Tkachev A. N. Arheologi Kubani i Severo-Zapadnogo Kavkaza, 1917–1991 gg.: biobibliograficheskij slovar'-spravochnik. – Krasnodar, 2016. – S. 35–37.

95. Башкиров А. Археологические открытия на территории СССР за 1925 год // Новый Восток. – М., 1926. – № 13/14. – С. 449–452.

Bashkirov A. Arheologicheskie otkrytija na territorii SSSR za 1925 god // Novyj Vostok. – Moskva, 1926. – № 13/14. – S. 449–452.

96. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), д. 164, л. 38.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1929 g.), d. 164, l. 38.

97. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 197, л. 26–26 об.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1926 g.), d. 197, l. 26–26 ob.

98. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – 2017. – Т. 14. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprov_r_e-ast14-1.2017.31.

Nepomnyashchy A. A. «My stremimsja k tomu, chtoby jeto bylo prodolzhenie prezhnih arheologicheskikh s#ezdov»: Kerchenskaja arheologicheskaja konferencija [Jelektronnyj resurs] // Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja. – 2017. – T. 14. – Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremja Kryma. – Stacionarnyj setevoj adres: 2227-9490eaprov_r_e-ast14-1.2017.31.

99. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 156, л. 1–6.

ГИМ ОПИ, f. 598, op. 1, d. 156, l. 1–6.

100. Башкиров А. С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 2. – 6 сентября. – С. 3.

Bashkirov A. S. Nekotorye maloazijskie hudozhestvennye tradicii v iskusstve krymskikh tatar po izyskanijam v Krymu 1924, 1925 i 1926 godov // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 2. – 6 sentjabrja. – S. 3.

101. Зуммер В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи (5–10/IX 1926): из отчета педагогическому факультету // Известия Азербайджанского гос. университета им. В. И. Ленина. Сер.: «Общественные науки». – Баку, 1926. – Т. 6/7. – С. 247–262.

Zummer V. M. Tjurko-tatarskaja sekcija konferencii arheologov v Kerchi (5–10/IX 1926): iz otcheta pedagogicheskomu fakul'tetu // Izvestija Azerbajdzhanskogo gos. universiteta im. V. I. Lenina. Ser.: «Obshhestvennye nauki». – Baku, 1926. – T. 6/7. – S. 247–262.

102. Башкиров А. С. Новости археологических исследований за лето 1926 г. на полуострове Тамани // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 5. – 9 сентября. – С. 3–4.

Bashkirov A. S. Novosti arheologicheskikh issledovanij za leto 1926 g. na poluostrove Tamani // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 5. – 9 sentjabrja. – S. 3–4.

103. Башкиров А. С. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1926. – № 15. – С. 353–354. – Рец. на кн.: Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. – Керчь, 1926. – IV, 94 с.; Марти Ю. Ю. Путеводитель по керченским древностям / Гос. Керченский археологический музей. – Керчь, 1926. – 60 с.

Bashkirov A. S. [Recenzija] // Novyj Vostok. – Moskva, 1926. – № 15. – S. 353–354. – Rec. na kn.: Marti Ju. Ju. Sto let Kerchenskogo muzeja: istoricheskij ocherk. – Kerch', 1926. – IV, 94 s.; Marti Ju. Ju. Putevoditel' po kerchenskimi drevnostjam / Gos. Kerchenskij arheologicheskij muzej. – Kerch', 1926. – 60 s.

104. Бороздина П. А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. – С. 109–110.

Borozdina P. A. «Dumoj veka izmeril...» // Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2000. – S. 109–110.

105. Башкиров А. С. Боспорское царство // Большая советская энциклопедия. – М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская Энциклопедия»; огиз, 1927. – Т. 7. – С. 227–228; Башкиров А. С. Греческие колонии на территории СССР // Большая советская энциклопедия. – М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская Энциклопедия»; огиз, 1930. – Т. 19. – С. 290–293.

Bashkirov A. S. Bosporskoe carstvo // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. – Moskva: gos. slovarno-jenciklopedicheskoe izd-vo «Sovetskaja Jenciklopedija»; ogiz, 1927. – Т. 7. – S. 227–228; Bashkirov A. S. Grecheskie kolonii na territorii SSSR // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. – Moskva: gos. slovarno-jenciklopedicheskoe izd-vo «Sovetskaja Jenciklopedija»; ogiz, 1930. – Т. 19. – S. 290–293.

106. Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный архив, д. 266, л. 1.

Gos. istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij», nauchnyj arhiv, d. 266, l. 1.

107. Зуммер В. М. Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов (3–4 февраля 1927) // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1927. – № 4. – С. 126–134.

Zummer V. M. Moskovskoe soveshhanie po izucheniju kul'tury i iskusstva tjurkskikh narodov (3–4 fevralja 1927) // Izvestija Obshhestva obsledovanija i izuchenija Azerbajdzhana. – Baku, 1927. – № 4. – S. 126–134.

108. Башкиров А. Предисловие // Судак=Σουδαία=Soldaia: записки на досуге Николая Лапина / под ред. и вступ. ст. П. И. Новицкого; предисл. А. С. Башкиров. – М., 1928. – С. XIII–XV.

Bashkirov A. Predislovie // Sudak=Σουδαία=Soldaia: zapiski na dosuge Nikolaja Lapina / pod red. i vstup. st. P. I. Novickogo; predisl. A. S. Bashkirov. – Moskva, 1928. – S. XIII–XV.

109. Башкиров А. С. Крым в древние и средние века. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 24 с.; Башкиров А. С. Древние и средние века в истории Крыма: историко-археологический очерк // Крым: путеводитель / Крымское об-во естествоиспытателей и любителей природы; под ред. И. М. Волошинова, В. В. Лункевича, И. И. Пузанова, А. А. Штекера. – [3-е изд.]. – Симферополь: Крымгосиздат, [1929]. – С. 171–192.

Bashkirov A. S. Krym v drevnie i srednie veka. – Simferopol': Krymgosizdat, 1929. – 24 s.; Bashkirov A. S. Drevnie i srednie veka v istorii Kryma: istoriko-arheologicheskij ocherk // Krym: putevoditel' / Krymskoe ob-vo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody; pod red. I. M. Voloshinova, V. V. Lunkevicha, I. I. Puzanova, A. A. Shtekera. – [3-e izd.]. – Simferopol': Krymgosizdat, [1929]. – S. 171–192.

110. Башкиров А. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1930. – № 28. – С. 279. – Рец. на: Крым: [журнал Российского общества по изучению Крыма]. – М.; Л., 1928–1929. – № 1–9.

Bashkirov A. [Recenzija] // Novyj Vostok. – Moskva, 1930. – № 28. – S. 279. – Rec. na: Krym: [zhurnal Rossijskogo obshhestva po izucheniju Kryma]. – Moskva; Leningrad, 1928–1929. – № 1–9.

111. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 39, л. 12–12 об.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 39, l. 12–12 ob.

112. Там же, л. 6–7.

Tam zhe, l. 6–7.

113. Там же, л. 13–14.
Tam zhe, l. 13–14.
114. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 103.
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 103.
115. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 9–10.
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 9–10.
116. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 193.
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 193.
117. Башкиров А. С. Искусство Дагестана: резные камни=The Art of Daghestan: Caryed Stones / НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР; РАНИОН. – М., 1931. – 118 с. – На русс. и англ. яз.
Bashkirov A. S. Iskuststvo Dagestana: reznye kamni=The Art of Daghestan: Caryed Stones / NII jetnicheskikh i nacional'nyh kul'tur narodov Vostoka SSSR; RANION. – Moskva, 1931. – 118 s. – Na russ. i angl. jaz.
118. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. – 2-е изд.: доп. – М., 2006. – С. 233–235.
Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki. – 2-e izd.: dop. – Moskva, 2006. – S. 233–235.
119. Тревер К. В. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. – Л., 1932. – № 1/2. – С. 29, 31.
Trever K. V. Olen' s toskoj vo vzore i melanholicheskaja svin'ja // Soobshhenija Gos. akademii istorii material'noj kul'tury. – Leningrad, 1932. – № 1/2. – S. 29, 31.
120. Башкиров А. Работа краеведных организаций по изучению художественной керамики // Советское краеведение. – М., 1934. – № 10. – С. 8–13.
Bashkirov A. Rabota kraevednyh organizacij po izucheniju hudozhestvennoj keramiki // Sovetskoe kraevedenie. – Moskva, 1934. – № 10. – S. 8–13.
121. Ватлин А. Ю., Канторович А. Р. Из истории отечественной археологической науки: несостоявшийся судебный процесс 1935 г. // Российская археология. – М., 2001. – № 3. – С. 124.
Vatlin A. Ju., Kantorovich A. R. Iz istorii otechestvennoj arheologicheskoy nauki: nesostojavshijsja sudebnyj process 1935 g. // Rossijskaja arheologija. – Moskva, 2001. – № 3. – S. 124.
122. Там же. – С. 126.
Tam zhe. – S. 126.
123. Там же. – С. 127–129.
Tam zhe. – S. 127–129.
124. Бороздина П. А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. – С. 109.
Borozdina P. A. «Dumoj veka izmeril...» // Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2000. – S. 109.
125. Там же.
Tam zhe.
126. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 78, л. 1–12; д. 79, л. 1–15.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 78, l. 1–12; d. 79, l. 1–15.
127. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 77, л. 1–106; д. 80, л. 1–131.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 77, l. 1–106; d. 80, l. 1–131.
128. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 100, л. 1–34.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 100, l. 1–34.
129. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. – 2-е изд.: доп. – М., 2006. – С. 216.
Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki. – 2-e izd.: dop. – Moskva, 2006. – S. 216.
130. Башкиров А. С. Отчет об историко-археологическом изучении на Таманском полуострове летом 1948 г. // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. П. Потемкина. – М., 1949. – Т. 13: Кафедра истории древнего мира. Вып. 2. – С. 137–176.

Bashkirov A. S. Otchet ob istoriko-arheologicheskom izuchenii na Tamanskom poluostrove letom 1948 g. // Uchenye zapiski Moskovskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. V. P. Potemkina. – Moskva, 1949. – T. 13: Kafedra istorii drevnego mira. Vyp. 2. – S. 137–176.

Nepomnyashchy A. A. Alexey Bashkirov in the Crimean local studies communications of the first third of the XX century.

The interpersonal and scientific contacts in the actively developing Crimean local studies of the 20s of the twentieth century on the basis of an extensive corpus of archival documents that were first introduced into scientific circulation, in particular the epistolary, were restored. The role of A. S. Bashkirov in the organization and conduct of the grand expeditionary study of the peninsula, which was held intermittently in 1924–1929, was shown.

Keywords: A. S. Bashkirov, expeditions, Crimean local study.